

Святая Русь,

страничка иерея Андрея Сиднева

<http://holyrussia.narod.ru/>

Библиотека классических и богословских текстов на греческом и
русском языках

Ο ΑΓΙΟΣ ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ Ο ΘΕΟΛΟΓΟΣ
ΛΟΓΟΣ ΘΕΟΛΟΓΙΚΟΣ ΤΡΙΤΟΣ ΠΕΡΙ ΥΙΟΥ

СВ. ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ
**Слово о богословии третье, о Боге Сыне
первое**

Афины 2004

Ο ΑΓΙΟΣ ΓΡΗΓΟΡΙΟΣ Ο ΘΕΟΛΟΓΟΣ
ΛΟΓΟΣ ΘΕΟΛΟΓΙΚΟΣ ΤΡΙΤΟΣ ΠΕΡΙ ΥΙΟΥ

СВ. ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ
**Слово о богословии третье, о Боге Сыне
 первое**

1. Ἀ μὲν οὖν εἶποι τις ἂν ἐπικόπτων τὴν περὶ τὸν λόγον αὐτῶν ἐτοιμότητα καὶ ταχύτητα, καὶ τὸ τοῦ τάχους ἐπισφαλὲς ἐν πᾶσι μὲν πράγμασι, μάλιστα δὲ ἐν τοῖς περὶ θεοῦ λόγοις, ταῦτά ἐστιν. ἐπεὶ δὲ τὸ μὲν ἐπιτιμᾶν οὐ μέγα ῥᾶστον γὰρ καὶ τοῦ βουλομένου παντός· τὸ δὲ ἀντεισάγειν τὴν ἑαυτοῦ γνώμην ἀνδρὸς εὐσεβοῦς καὶ νοῦν ἔχοντος· φέρε, τῷ ἀγίῳ θαρρήσαντες πνεύματι, τῷ παρ' αὐτῶν μὲν ἀτιμαζομένῳ, παρ' ἡμῶν δὲ προσκυνουμένῳ, τὰς ἡμετέρας περὶ τῆς θεότητος ὑπολήψεις, αἵ τινὲς ποτέ εἰσιν, ὥσπερ τινὰ τόκον εὐγενῆ τε καὶ ὠριμον εἰς φῶς προενέγκωμεν· οὐδὲ ἄλλοτε μὲν σιωπήσαντες, τοῦτο γὰρ μόνον ἡμεῖς νεανικοὶ τε καὶ μεγαλόφρονες, νῦν δὲ καὶ μᾶλλον παρρησιαζόμενοι τὴν ἀλήθειαν· ἵνα μὴ τῇ ὑποστολῇ, καθὼς γέγραπται, τὸ μὴ εὐδοκεῖσθαι κατακριθῶμεν. Διττοῦ δὲ ὄντος λόγου παντός, τοῦ μὲν τὸ οἰκεῖον κατασκευάζοντος, τοῦ δὲ τὸ ἀντίπαλον ἀνατρέποντος, καὶ ἡμεῖς τὸν οἰκεῖον ἐκθέμενοι πρότερον, οὕτω τὰ τῶν ἐναντίων ἀνατρέψαι πειρασόμεθα· καὶ ἀμφοτέρω ὡς οἶόν τε διὰ βραχέων, ἵν' εὐσύνοπτα γένηται τὰ λεγόμενα, ὥσπερ ὃν αὐτοὶ λόγον εἰσαγωγικὸν ἐπενόησαν πρὸς ἑξαπάτην τῶν ἀπλουστέρων ἢ εὐηθεστέρων, καὶ μὴ τῷ μήκει τοῦ λόγου διαχεθῆ τὰ νοούμενα, καθάπερ ὕδωρ οὐ σωλῆνι σφιγγόμενον, ἀλλὰ κατὰ πεδίου χεόμενον καὶ λυόμενον.

Это самое сказал бы иной, желая остановить их готовность к слову, их поспешность, и преткновение от поспешности во всяком деле, а еще более в учении о Боге. Но наложить запрещение не важно, — это без труда сделает всякий, кто захочет; от человека же благочестивого и умного требуется, чтоб он заменил запрещаемое собственным рассуждением. Поэтому, в уповании на Святого Духа, Которого они не чтут, и Которому мы поклоняемся, как некоторый благородный и зрелый плод, изведу на свет собственные свои мысли о Божестве, каковы бы они ни были. Я не молчал и в другое время; но напротив того на это одно и имел отважность и присутствие духа. Тем паче осмелюсь теперь стать за истину, чтоб сомнением, по суду Божию, как написано, не навлечь на себя неблаговоления (Авв. 2, 4). Поскольку же речь бывает двоякого рода, — ею или подтверждается собственное мнение, или опровергается мнение противное: то и я, предложив сперва собственное учение, попытаюсь потом опровергнуть учение противников; но в том и другом соблюду возможную краткость, чтоб все сказанное удобно было обнять одним взором (так как и они, к обольщению людей наиболее простых и скудоумных, сочинили слово под именем руководства), и чтоб длинные речи не рассеивали мысль, как воду, которая не заперта в трубе, но льется и растекается по равнине.

2. Τρεῖς αἱ ἀνωτάτω δόξαι περὶ θεοῦ, ἀναρχία, καὶ πολυαρχία, καὶ μοναρχία. Αἱ μὲν οὖν δύο παισὶν Ἑλλήνων ἐπαίχθησαν, καὶ παιζέσθωσαν. Τό τε γὰρ ἄναρχον ἄτακτον· τό τε πολυαρχον στασιῶδες, καὶ οὕτως ἄναρχον, καὶ οὕτως ἄτακτον. Εἰς ταῦτον γὰρ ἀμφοτέρω φέρει, τὴν ἀταξίαν, ἢ δὲ εἰς λύσιν· ἀταξία γὰρ μελέτη λύσεως. ἡμῖν δὲ μοναρχία τὸ τιμώμενον· μοναρχία δέ, οὐχ ἦν ἐν περιγράφει πρόσωπον· ἔστι γὰρ καὶ τὸ ἐν στασιάζον πρὸς ἑαυτὸ πολλὰ καθίστασθαι· ἀλλ' ἦν φύσεως ὁμοτιμία συνίστησι, καὶ γνώμης σύμπνοια, καὶ ταυτότης κινήσεως, καὶ πρὸς τὸ ἐν τῶν ἐξ αὐτοῦ σύννευσις, ὅπερ ἀμήχανον ἐπὶ τῆς γεννητῆς φύσεως, ὥστε κἂν ἀριθμῶ διαφέρη, τῇ γε οὐσία μὴ τέμνεσθαι. Διὰ τοῦτο μονὰς ἀπ' ἀρχῆς εἰς δυάδα κινήθεισα, μέχρι τριάδος ἔσθι. Καὶ τοῦτο ἔστιν ἡμῖν ὁ πατήρ, καὶ ὁ υἱός, καὶ τὸ ἅγιον πνεῦμα· ὁ μὲν γεννήτωρ καὶ προβολεύς, λέγω δὲ ἀπαθῶς, καὶ ἀχρόνως, καὶ ἀσωμάτως· τῶν δέ, τὸ μὲν γέννημα, τὸ δὲ πρόβλημα, ἢ οὐκ οἶδ' ὅπως ἂν τις ταῦτα καλέσειεν, ἀφελῶν πάντη τῶν ὀρωμένων. Οὐ γὰρ δὴ ὑπέρχουσιν ἀγαθότητος εἰπεῖν θαρρήσομεν, ὃ τῶν παρ' Ἑλλήσι φιλοσοφησάντων εἰπεῖν τις ἐτόλμησεν, οἷον κρατῆρ τις ὑπερερρῦη, σαφῶς οὕτως λέγων, ἐν οἷς περὶ πρώτου αἰτίου καὶ δευτέρου φιλοσοφεῖ· μή ποτε ἀκούσιον τὴν γέννησιν εἰσαγάγωμεν, καὶ οἷον περιττωμά τι φυσικὸν καὶ δυσκάθεκτον, ἠκιστα ταῖς περὶ θεότητος ὑπονοίαις πρέπον. Διὰ τοῦτο ἐπὶ τῶν ἡμετέρων ὄρων ἰστάμενοι τὸ ἀγέννητον εἰσάγομεν, καὶ τὸ γεννητόν, καὶ τὸ ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορευόμενον, ὡς πού φησιν αὐτὸς ὁ θεὸς καὶ λόγος.

3. Πότε οὖν ταῦτα; ὑπὲρ τὸ πότε ταῦτα. Εἰ δὲ δεῖ τι καὶ νεανικῶς εἰπεῖν, ὅτε ὁ πατήρ. Πότε δὲ ὁ πατήρ; οὐκ ἦν ὅτε οὐκ ἦν. Τοῦτο οὖν καὶ ὁ υἱός, καὶ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον. Πάλιν ἐρώτα με, καὶ πάλιν ἀποκρινοῦμαί σοι. Πότε ὁ υἱός

Τри древнейшие мнения о Боге: безначалие, многоначалие и единоначалие. Два первые были (и пусть остаются!) игрою ума, сынов Эллинских. Ибо безначалие беспорядочно, а многоначалие возмутительно; вследствие же сего и безначально, и беспорядочно. То и другое ведет к одному концу — к беспорядку, а беспорядок — к разрушению; потому что беспорядок есть упражнение в разрушении. Но мы чтим единоначалие; впрочем не то единоначалие, которое определяется единством лица (и одно, если оно в раздоре с самим собою, составит множество), но то, которое составляет равночестность единства, единодушные воли, тождество движения и направления к единому Телу, Которые из Единого (что невозможно в естестве сотворенном), так что Они, хотя различаются по числу, но не разделяются по власти [1]. Поэтому Единица, от начала подвигшаяся в двойственность, остановилась на троичности. И это у нас — Отец, и Сын, и Святой Дух. Отец — родитель и изводитель, рождающий и изводящий бесстрастно, вне времени и бестелесно; Сын — рожденное; Дух — изведенное, или, не знаю, как назвал бы это тот, кто отвлекает от всего видимого. Ибо не дерзаем наименовать сего преизлиянием благодати, как осмелился назвать один из любомудрых Эллинов, который, любомудрствуя о первом и втором Виновнике, ясно выразился: «как чаша льется через края» [2]. Не дерзаем из опасения, чтоб не ввести произвольного рождения и как бы естественного и неудержимого исторжения, что всего меньше сообразно с понятиями о Божестве. Поэтому, не выходя из данных нам пределов, вводим Нерожденного, Рожденного и от Отца Исходящего, как говорить в одном месте Сам Бог — Слово (Ин. 15, 26).

«Но когда это рождение и исхождение?» — Прежде самого когда. Если же надобно выразиться несколько смелее: тогда же, как и Отец. Но когда Отец? — Никогда не было, чтоб не был Отец. А также никогда не было, чтоб не был Сын, и не был Дух Святой. Еще спросишь меня; и опять отвечу тебе. Когда

γεγέννηται; ὅτε ὁ πατήρ οὐ γεγέννηται. Πότε δὲ τὸ πνεῦμα ἐκπεπόρευται; ὅτε ὁ υἱὸς οὐκ ἐκπεπόρευται, ἀλλὰ γεγέννηται ἀχρόνως καὶ ὑπὲρ λόγον· εἰ καὶ μὴ δυνάμεθα τὸ ὑπὲρ χρόνον παραστήσαι, θέλοντες χρονικὴν ἐκφυγεῖν ἔμφασιν· τὸ γὰρ ὅτε, καὶ πρὸ τοῦδε, καὶ μετὰ ταῦτα, καὶ ἀπ' ἀρχῆς, οὐκ ἄχρονα, κἂν ὅτι μάλιστα βιαζώμεθα· πλήν εἰ τὸ παρεκτεινόμενον τοῖς αἰδίοις διάστημα τὸν αἰῶνα λαμβάνοιμεν, τὸ μὴ κινήσει τινὶ μηδὲ ἡλίου φορᾶ μεριζόμενον καὶ μετρούμενον, ὅπερ ὁ χρόνος. Πῶς οὖν οὐ συνάναρχα, εἰ συναΐδια; ὅτι ἐκεῖθεν, εἰ καὶ μὴ μετ' ἐκεῖνον. Τὸ μὲν γὰρ ἄναρχον, καὶ αἰδίων· τὸ αἰδίων δέ, οὐ πάντως ἄναρχον, ἕως ἂν εἰς ἀρχὴν ἀναφέρηται τὸν πατέρα. Οὐκ ἄναρχα οὖν τῷ αἰτίῳ· δῆλον δὲ τὸ αἴτιον ὡς οὐ πάντως προεσβύτερον τῶν ὧν ἐστὶν αἴτιον· οὐδὲ γὰρ τοῦ φωτὸς ἡλῖος. Καὶ ἄναρχά πως τῷ χρόνῳ, κἂν σὺ μορμολύττη τοὺς ἀπλουστεροὺς· οὐ γὰρ ὑπὸ χρόνον τὰ ἐξ ὧν ὁ χρόνος.

4. Πῶς οὖν οὐκ ἐμπαθῆς ἢ γέννησις; ὅτι ἀσώματος. Εἰ γὰρ ἢ ἐνσώματος ἐμπαθῆς, ἀπαθῆς ἢ ἀσώματος. ἐγὼ δὲ σε ἀντερήσομαι· πῶς θεός, εἰ κτίσμα; οὐ γὰρ θεὸς τὸ κτιζόμενον· ἵνα μὴ λέγω, ὅτι κἀνταῦθα πάθος, ἂν σωματικῶς λαμβάνηται, οἷον χρόνος, ἔφεσις, ἀνατύπωσις, φροντίς, ἐλπίς, λύπη, κίνδυνος, ἀποτυχία, διόρθωσις· ἅ πάντα καὶ πλείω τούτων περὶ τὴν κτίσιν, ὡς πᾶσιν εὐδῆλον. Θαυμάζω δέ, ὅτι μὴ καὶ τοῦτο τολμᾶς, συνδυασμούς τινας ἐννοεῖν, καὶ χρόνους κυήσεως, καὶ κινδύνους ἀμβλώσεως, ὡς οὐδὲ γεννᾶν ἐγχωροῦν, εἰ μὴ οὕτω γεγέννηκεν· ἢ πάλιν πτηνῶν τινὰς καὶ χερσαίων καὶ ἐνύδρων γεννήσεις ἀπαριθμούμενος, τούτων τινὶ τῶν γεννήσεων ὑπάγειν τὴν θείαν καὶ ἀνεκλάλητον, ἢ καὶ τὸν υἱὸν ἀναιρεῖν ἐκ τῆς καινῆς ὑποθέσεως. Καὶ οὐδ' ἐκεῖνο δύνασαι συνιδεῖν, ὅτι ᾧ διάφορος ἢ κατὰ σάρκα

родился Сын? — Когда не родился Отец. Когда исшел Дух? — Когда не исшел Сын, но родился вне времени и неизглаголанно, хотя не можем представить себе того, что выше времени, даже желая избежать выражений означающих время; потому что слова: когда, прежде, после, исперва, не исключают времени, как ни усиливаемся в этом; разве возьмем вечность, то есть продолжение, которое простирается наравне с вечным, а не делится на части, и не измеряется никаким-либо движением, ни течением солнца, что свойственно времени. «Но если Сын и Дух совечны Отцу; то почему же не собезначальны»? Потому что они от Отца, хотя не после Отца. Правда, что безначальное вечно; но вечному нет необходимости быть безначальным, как скоро возводится к Отцу, как к началу. Итак, Сын и Дух не безначальны, относительно к Виновнику. Известно же, что Виновнику нет необходимости быть первоначальнее Тех, для Кого он Виновником; потому что и солнце не первоначальнее света. И вместе Сын и Дух безначальны, относительно ко времени, хотя ты и пугаешь сим людей простодушных. Ибо не под временем Те, от которых время.

«Каким же образом рождение бесстрастно?» — таким, что оно не телесно. Ибо если телесное рождение страстно; то бестелесное — бесстрастно. Но и я спрошу у тебя: каким образом Сын есть Бог, если Он тварь? Ибо творимое — не Бог. Не говорю уже, что и в творении, если оно берется телесно, имеет место страдание, как то: время, желание, образование, забота, надежда, скорбь, опасность, неудача, поправка; все это, и еще многое другое, как всякому известно, бывает при творении. Но дивлюсь, что ты не отваживаешься придумать каких-нибудь сочетаний, сроков чревоношения опасностей преждевременного рождения, и даже признать рождение невозможным, если бы Бог рождал иначе, или еще, перечислив образы рождения у птиц на суше и на воде, подчинил какому-либо из этих рождений рождение Божеское и неизглаголанное, или, вследствие нового своего предположения, вовсе уничтожить Сына. И ты не можешь приметить того, что Кто по плоти имеет отличное рождение (ибо где нашел ты по

γέννησις, ποῦ γὰρ ἐν τοῖς σοῖς ἔγνωσ θεοτόκον παρθένον; τούτῳ καὶ ἡ πνευματικὴ γέννησις ἐξαλλάττουσα· μᾶλλον δέ, ᾧ τὸ εἶναι μὴ ταυτόν, τούτῳ καὶ τὸ γεννᾶν διάφορον.

5. Τίς οὖν ἐστὶ πατὴρ οὐκ ἠργυμένος; ὅστις οὐδὲ τοῦ εἶναι ἤρξατο· ᾧ δὲ τὸ εἶναι ἤρξατο, τούτῳ καὶ τὸ εἶναι πατρί. Οὐκ οὖν πατὴρ ὕστερον, οὐ γὰρ ἤρξατο· καὶ πατὴρ κυρίως, ὅτι μὴ καὶ υἱός· ὡπερ καὶ υἱός κυρίως, ὅτι μὴ καὶ πατήρ. Τὰ γὰρ ἡμέτερα οὐ κυρίως, ὅτι καὶ ἄμφω· οὐ γὰρ τότε μᾶλλον ἢ τότε· καὶ ἐξ ἀμφοῖν ἡμεῖς, οὐχ ἑνός, ὥστε μερίζεσθαι, καὶ κατ' ὀλίγον ἄνθρωποι, καὶ ἴσως οὐδὲ ἄνθρωποι, καὶ οἱοὶ μὴ τεθελήμεθα, καὶ ἀφιέντες καὶ ἀφιέμενοι, ὡς μόνας τὰς σχέσεις λείπεσθαι ὄρφανὰς τῶν πραγμάτων. ἀλλὰ τὸ ἐγέννησε, φησὶν, αὐτό, καὶ τὸ γεγέννηται, τί ἄλλο, ἢ ἀρχὴν εἰσάγει γεννήσεως; τί οὖν ἂν μὴδὲ τοῦτο λέγωμεν, ἀλλ' ἦν ἀπ' ἀρχῆς γεγεννημένος, ἵνα σου ῥαδίως φύγωμεν τὰς περιέργους ἐνστάσεις καὶ φιλοχρόνους; ἄρα γραφὴν ἀποίσεις καθ' ἡμῶν, ὡς παραχαραττόντων τι τῆς γραφῆς καὶ τῆς ἀληθείας; ἢ πᾶσιν εὐδηλον, ὅτι πολλὰ τῶν χρονικῶς λεγομένων ἐνηλλαγμένως τοῖς χρόνοις προφέρεται, καὶ μάλιστα παρὰ τῆ συνηθείᾳ τῆς γραφῆς, οὐχ ὅσα τοῦ παρεληλυθότος χρόνου μόνον ἐστίν, ἢ τοῦ παρόντος, ἀλλὰ καὶ ὅσα τοῦ μέλλοντος; ὡς τό· Ἴνα τί ἐφρούραξαν ἔθνη; οὐπω γὰρ ἐφρούραξαντο· καί, Ἐν ποταμῶ διελεύσονται ποδί· ὡπερ ἐστὶ, διαβεβήκασι. Καὶ μακρὸν ἂν εἴη πάσας ἀπαριθμεῖν τὰς τοιαύτας φωνάς, αἱ τοῖς φιλοπόνοις τετήρηται.

6. Τοῦτο μὲν δὴ τοιοῦτον. Οἷον δὲ αὐτῶν κἀκεῖνο, ὡς λίαν δύσερι καὶ ἀναίσχυντον· βουληθείς, φασί, γεγέννηκε τὸν υἱόν, ἢ μὴ βουλόμενος. Εἶτα δεσμοῦσιν, ὡς οἷονται, ἀμφοτέρωθεν ἄμμασιν, οὐκ ἰσχυροῖς, ἀλλὰ καὶ λίαν σαθοῖς. Εἰ μὲν γὰρ οὐ θέλων, φασί,

своим началам Богородицу деву?), для Того иное и духовное рождение. Лучше же сказать Кто имеет не такое же бытие Тот имеет и отличное рождение.

«Какой отец не начинал быть отцом?» — Тот, у Которого бытие не начиналось. А у кого началось бытие, тот начал быть и отцом. Бог-Отец не Впоследствии стал Отцом, потому что не начинал быть Отцом. Он в собственном смысле Отец; потому что не есть вместе и Сын; равно как и Бог-Сын в собственном смысле — Сын, потому что не есть вместе и Отец. Ибо у нас отцы и сыны не в собственном смысле, но каждый и отец, и сын, и не в большой мере отец, чем сын, и мы приходим не единственно от отца, но от отца, который вместе и сын, а потому и сами делимся, постепенно становимся человеками, но какими не желали бы и рождающие и рождаемые, так что у нас остаются одни отношения, лишённые действительности. Но ты говоришь: «самые слова: родил и родился, что иное вводят, как не начало рождения?» Что ж, если не скажем: родился, но: рожден от начала, чтоб удобные было избежать твоих тонких возражений, в которых ты везде отыскиваешь время? Ужели будешь обвинять нас, что перетолковываем сколько-нибудь Писание и истину? Но всякому можно видеть, что в речениях выражающих время, нередко ставятся времена одно вместо другого; особенно это употребительно в Божественном Писании, и не только в рассуждении времени прошедшего, или настоящего, но и будущего. Например, сказано: вскую шаташяся языцы (Пс. 2, 1), когда еще не шатались; и еще: в реце пройдут ногами (Пс. 65, 5), когда уже прошли. Продолжительно было бы перечислять все подобные речения, которые замечены людьми трудолюбивыми.

Таково рассмотренное нами их возражение. Каково же следующее? Не до крайности ли привязчиво и бесстыдно? Они говорят: «Отец, восхотев ли, родил Сына, или нехотя?» Потом оба случая, как представляется им, завязывают в узел, впрочем не крепкий, но слабый, и

τετυράννηται. Καὶ τίς ὁ τυραννήσας; καὶ πῶς ὁ τυραννηθεὶς θεός; εἰ δὲ θέλων, θελήσεως υἱὸς ὁ υἱός· πῶς οὖν ἐκ τοῦ πατρὸς; καὶ καινὴν τινα μητέρα τὴν θέλησιν ἀντὶ τοῦ πατρὸς ἀναπλάττουσιν. ἐν μὲν οὖν τοῦτο χαρίεν αὐτῶν, ἂν τοῦτο λέγωσιν, ὅτι τοῦ πάθους ἀποστάντες ἐπὶ τὴν βούλησιν καταφεύγουσιν· οὐ γὰρ πάθος ἢ βούλησις. Δεύτερον δὲ ἴδωμεν τὸ ἰσχυρὸν αὐτῶν, ὃ τι λέγουσιν. ἄριστον δὲ αὐτοῖς συμπλακῆναι πρότερον ἐγγυτέρω. Σὺ δὲ αὐτὸς ὁ λέγων εὐχερῶς ὃ τι ἂν θέλης, ἐκ θέλοντος ὑπέστης τοῦ σοῦ πατρὸς, ἢ μὴ θέλοντος; εἰ μὲν γὰρ ἐξ οὐ θέλοντος, τετυράννηται. Τῆς βίας· καὶ τίς ὁ τυραννήσας αὐτόν; οὐ γὰρ δὴ τὴν φύσιν ἐρεῖς· ἐκείνη γὰρ ἔχει καὶ τὸ σωφρονεῖν. Εἰ δὲ θέλοντος, ἀπόλωλέ σοι δι' ὀλίγας συλλαβὰς ὁ πατήρ. Θελήματος γὰρ υἱός, ἀλλ' οὐ πατρὸς ἀναπέφηνας. ἀλλ' ἐπὶ τὸν θεὸν μέτειμι καὶ τὰ κτίσματα, καὶ τὸ σὸν ἐρώτημα προσάγω τῇ σῇ σοφίᾳ. Θέλων ὑπέστησε ὁ θεὸς τὰ πάντα, ἢ βιασθεῖς; εἰ μὲν βιασθεῖς, κἀνταῦθα ἢ τυραννίς, καὶ ὁ τυραννήσας. Εἰ δὲ βουλόμενος, ἐστέρηται τοῦ θεοῦ καὶ τὰ κτίσματα, καὶ σὺ πρὸ τῶν ἄλλων, ὁ τοιοῦτους ἀνευρίσκων λογισμοὺς καὶ τοιαῦτα σοφίζόμενος. Θελήσει γὰρ μέση τοῦ κτίστου διατειχίζεται. ἀλλ' ἕτερον, οἶμαι, θέλων ἐστὶ καὶ θέλησις, γεννῶν καὶ γέννησις, λέγων καὶ λόγος, εἰ μὴ μεθύομεν. Τὰ μὲν ὁ κινούμενος, τὰ δὲ οἶον ἢ κίνησις. Οὐκ οὖν θελήσεως τὸ θεληθὲν· οὐδὲ γὰρ ἔπεται πάντως· οὐδὲ τὸ γεννηθὲν γεννήσεως, οὐδὲ τὸ ἀκουσθὲν ἐκφωνήσεως, ἀλλὰ τοῦ θέλοντος, καὶ τοῦ γεννῶντος, καὶ τοῦ λέγοντος. Τὰ τοῦ θεοῦ δὲ καὶ ὑπὲρ πάντα ταῦτα, ᾧ γέννησις ἐστὶν ἴσως ἢ τοῦ γεννᾶν θέλησις, ἀλλ' οὐδὲν μέσον, εἴ γε καὶ τοῦτο δεξιόμεθα ὅλως, ἀλλὰ μὴ καὶ θελήσεως κρείττων ἢ γέννησις.

7. Βούλει τι προσπαίξω καὶ τὸν πατέρα; παρὰ σοῦ γὰρ ἔχω τὰ τοιαῦτα τολμᾶν. Θέλων θεὸς ὁ

продолжают: «если не хотя, то по принуждению. Кто ж принудивший, и как принужденный — Бог? А если по хотению; то Сын есть сын хотения. Как же Он от Отца?» И вместо Отца выдумывают какую-то новую мать — хотение. У рассуждающих таким образом приятно слышать одно, а именно, что, отступившись от страдания, прибегают к воле; но воля уже не страдание. Посмотрим же затем, как твердо их рассуждение. И всего лучше наперед сойтись с ними, как можно, ближе. Ты, который без затруднений говоришь все, что тебе захочется, сам от какого родился отца, от хотящего, или от не хотящего? Если от не хотящего; то ему сделано принуждение. Какое насилие! И кто ж принудивший его? Верно не скажешь, что природа; ибо в природе — быть и целомудренным. А если от хотящего; то за несколько слогов пропал у тебя отец; ты стал сыном хотения, а не отца. Но перехожу к Богу и к тварям, и вопрос твой передаю на суд твоей мудрости. Бог сотворил мир по хотению, или принужденно? Если принужденно; то и здесь насилие и насильственно действующий. А если по хотению, то лишены Бога, как прочие твари, так более всех ты, изобретатель таких умозаключений, вдающийся в подобные мудрования; потому что между тварями и Творцом становится преградою посредствующее хотение. Но думаю, что иное есть хотящий и иное — хотение, иное рождающий и иное — рождение. иное говорящий и иное — слово; если только мы в трезвом уме. Первый есть движущий, а последнее — род движения. Поэтому то, чего хотелось, не от хотения, потому что не всегда следует за хотением, и рожденное — не от рождения, и слышимое — не от произношения, но от хотящего, рождающего, говорящего. А что в Боге, то выше и этого всего. В Нем хотение рождать есть уже может быть самое рождение, а не что-либо посредствующее; если только вполне дадим место хотению, а не скажем, что рождение выше хотения.

Хочешь ли, сделаю применение к Богу-Отцу? — у тебя заимствую такую дерзость. Отец — хотящий, или не хотящий Бог? И

πατήρ, ἢ μὴ θέλων. Καὶ ὅπως ἀποφεύξη τὸ σὸν περιδέξιον, εἰ μὲν δὴ θέλων, πότε τοῦ θέλαιν ἠργμένος; οὐ γὰρ πρὶν εἶναι οὐδὲ γὰρ ἦν τι πρότερον. ἢ τὸ μὲν αὐτοῦ θελήσαν, τὸ δὲ θεληθέν; μεριστὸς οὖν. Πῶς δὲ οὐ θελήσεως καὶ οὗτος, κατὰ σέ, πρόβλημα; εἰ δὲ οὐ θέλων, τί τὸ βιασάμενον εἰς τὸ εἶναι; καὶ πῶς θεός, εἰ βεβίασται, καὶ ταῦτα οὐκ ἄλλο τι ἢ αὐτὸ τὸ εἶναι θεός; πῶς οὖν γεγέννηται; πῶς ἔκτισται, εἴπερ ἔκτισται κατὰ σέ; καὶ γὰρ καὶ τοῦτο τῆς αὐτῆς ἀπορίας. Τάχα ἂν εἴποις, βουλήσει καὶ λόγῳ. ἀλλ' οὐπω λέγεις τὸ πᾶν. Πῶς γὰρ ἔργου δύναμιν ἔσχεν ἢ βούλησις καὶ ὁ λόγος; ἔτι λείπεται λέγειν. Οὐ γὰρ οὕτως ἄνθρωπος.

8. Πῶς οὖν γεγέννηται; οὐκ ἂν ἦν μεγάλη ἢ γέννησις, εἰ σοὶ κατελαμβάνετο, ὅς οὐδὲ τὴν ἰδίαν ἐπίστη γέννησιν, ἢ μικρόν τι ταύτης κατείληφας, καὶ ὅσον αἰσχύνῃ λέγειν· ἔπειτα οἶει τὸ πᾶν γινώσκεις; πολλὰ ἂν κάμοις πρότερον, ἢ εὖροις λόγους συμπήξεως, μορφώσεως, φανερώσεως, ψυχῆς πρὸς σῶμα δεσμόν, νοῦ πρὸς ψυχὴν, λόγου πρὸς νοῦν, κίνησιν, αὔξησιν, τροφῆς ἐξομοίωσιν, αἴσθησιν, μνήμην, ἀνάμνησιν, τᾶλλα ἐξ ὧν συνέστηκας· καὶ τίνα μὲν τοῦ συναμφοτέρου ψυχῆς καὶ σώματος, τίνα δὲ τὰ μεμερισμένα, τίνα δὲ ἅ παρ' ἀλλήλων λαμβάνουσιν· ὧν γὰρ ὕστερον ἢ τελείωσις, τούτων οἱ λόγοι μετὰ τῆς γεννήσεως. Εἶπε τίνας· καὶ μηδὲ τότε φιλοσοφῆσης θεοῦ γέννησιν· οὐ γὰρ ἀσφαλές. Εἰ μὲν γὰρ τὴν σὴν γινώσκεις, οὐ πάντως καὶ τὴν τοῦ θεοῦ· εἰ δὲ μηδὲ τὴν σὴν, πῶς τὴν τοῦ θεοῦ; ὅσω γὰρ θεὸς ἀνθρώπου δυστεκμαρτότερος, τοσοῦτω καὶ τῆς σῆς γεννήσεως ἀληπτοτέρα ἢ ἄνω γέννησις. Εἰ δὲ ὅτι μὴ σοὶ κατείληπται, διὰ τοῦτο οὐδὲ γεγέννηται, ὥρα σοὶ πολλὰ διαγράφειν τῶν ὄντων, ἃ μὴ κατείληφας, καὶ πρό γε ἀπάντων τὸν θεὸν αὐτόν· οὐδὲ γὰρ ὅ τι ποτέ ἐστιν εἰπεῖν ἔχεις, καὶ εἰ λίαν τολμηρὸς εἶ, καὶ τὰ περιττὰ μεγαλόψυχος. Κατάβαλέ σου τὰς ῥεύσεις, καὶ

как избежать обоюдного твоего довода! Если хотящий; то когда начал хотеть? Не прежде, чем существовать. Ибо прежде ничего не было. Или в Нем одно хотело, а другое определялось хотением; и потому состоит Он из частей. Не будет ли и Он, по твоему, плодом хотения? А если не хотящий, что принудило Его быть (Богом)? И как Он — Бог, если принужден, и принужден не к иному чему, а к тому самому, чтобы быть Богом? Спрашиваешь: «как Сын рожден?» — Но как Он и сотворен, если, по твоему, сотворен? И здесь затруднение тоже. Скажешь может быть, что сотворен волею и словом. Но ты не все еще сказал; ибо остается договорить одно: откуда воля и слово имеют силу исполнения; потому что человек не так творить.

Как же Сын рожден? — Не важно было бы Его рождение, если бы оно было удобопостижимо и для тебя, который не знаешь собственного своего рождения, или и постигаешь в нем нечто, но не многое и такое, что об этом стыдно и говорить, а потом считаешь себя всезнающим. Тебе надобно приложить много труда, прежде чем откроешь законы отвердения, образования, явления на свет, союз души с телом, ума с душою, слова с умом, движение, возрастание, претворение пищи в плоть, чувство, память припамятование и прочее, из чего состоишь ты, а также прежде чем найдешь, что принадлежит обоим — души и телу, что разделено между ними, и что они заимствуют друг у друга. Ибо в рождении положены основания всему тому, что совершается впоследствии. Скажи же, что это за основания? Но и после этого не любомудрствуй о рождении Бога, потому что это небезопасно. Ибо если знаешь свое рождение; то из сего не следует, что знаешь и Божие. А если не знаешь своего; то как тебе знать Божие? Ибо сколько Бог неудобопознаваем в сравнении с человеком, столько и горнее рождение непостижимее твоего рождения. Если же Сын не родился потому только, что для тебя это непостижимо; то кстати тебе исключить из ряда существ многое, чего ты не постигаешь, и притом прежде всего самого Бога. Ибо при всей своей дерзости, как ни отважно пускаешься в излишние исследования, ты не

τὰς διαιρέσεις, καὶ τὰς τομάς, καὶ τὸ ὡς περὶ σώματος διανοεῖσθαι τῆς ἀσωμάτου φύσεως· καὶ τάχα ἂν ἄξιόν τι διανοηθείης Θεοῦ γεννήσεως. Πῶς γεγέννηται; πάλιν γὰρ τὸ αὐτὸ φθέγξομαι δυσχεραίνων. Θεοῦ γέννησις σιωπῆ τιμάσθω. Μέγα σοι τὸ μαθεῖν, ὅτι γεγέννηται. Τὸ δὲ πῶς, οὐδὲ ἀγγέλοις ἐννοεῖν, μὴ ὅτι γέ σοι νοεῖν συγχωρήσομεν. Βούλει παραστήσω τὸ πῶς; ὡς οἶδεν ὁ γεννήσας πατήρ, καὶ ὁ γεννηθεὶς υἱός. Τὸ δὲ ὑπὲρ ταῦτα νέφει κρύπτεται, τὴν σὴν διαφεῦγον ἀμβλυωπίαν.

9. Ὅντα οὖν γεγέννηκεν, ἢ οὐκ ὄντα; τῶν ληρημάτων· περὶ ἐμὲ καὶ σὲ ταῦτα, οἱ τὸ μὲν τι ἦμεν, ὥσπερ ἐν τῇ ὀσφύϊ τοῦ Ἀβραάμ ὁ Λευὶ, τὸ δὲ γεγόναμεν ὥστε ἐξ ὄντων τρόπον τινὰ τὸ ἡμέτερον, καὶ οὐκ ὄντων· ἐναντίως περὶ τὴν ἀρχέγονον ὕλην ὑποστᾶσαν σαφῶς ἐξ οὐκ ὄντων, κἂν τινες ἀγέννητον ἀναπλάττωσιν. ἐνταῦθα δὲ σύνδρομον τῷ εἶναι τὸ γεγεννησθαι, καὶ ἀπ' ἀρχῆς ὥστε ποῦ θήσεις τὸ ἀμφίκριμνον τοῦτο ἐρώτημα; τί γὰρ τοῦ ἀπ' ἀρχῆς πρᾶσβύτερον, ἵν' ἐκεῖ θῶμεν τὸ εἶναι ποτε τοῦ υἱοῦ, ἢ τὸ μὴ εἶναι; ἀμφοτέρως γὰρ τὸ ἀπ' ἀρχῆς λυθήσεται. Εἰ μὴ σοι καὶ ὁ πατήρ, πάλιν ἐρωτώντων ἡμῶν, ἐξ ὄντων, ἢ ἐξ οὐκ ὄντων, κινδυνεύσειεν ἢ δις εἶναι, ὃ μὲν προῶν, ὃ δὲ ὦν, ἢ ταυτὸν τῷ υἱῷ παθεῖν, ἐξ οὐκ ὄντων εἶναι, διὰ τὰ σὰ τῶν ἐρωτημάτων παίγνια, καὶ τὰς ἐκ ψάμμων οἰκοδομάς, αἱ μὴδὲ αὐραὶ ἴστανται. ἐγὼ μὲν οὖν οὐδέτερον τούτων δέχομαι, καὶ τὴν ἐρώτησίν φημι τὸ ἄτοπον ἔχειν, οὐχὶ τὸ ἄπορον τὴν ἀπάντησιν. Εἰ δέ σοι φαίνεται ἀναγκαῖον εἶναι τὸ ἕτερον ἀληθεύειν ἐπὶ παντός, κατὰ τὰς σὰς διαλεκτικὰς ὑπολήψεις, δέξαι μού τι μικρὸν ἐρώτημα. Ὁ χρόνος ἐν χρόνῳ, ἢ οὐκ ἐν χρόνῳ; εἰ μὲν οὖν ἐν χρόνῳ, τίτι τούτῳ; καὶ τί παρὰ τοῦτον ὄντι; καὶ πῶς περιέχοντι; εἰ δὲ οὐκ ἐν χρόνῳ, τίς ἢ περιττὴ σοφία χρόνον εἰσάγειν ἄχρονον; τοῦ δέ, Νῦν ἐγὼ ψεύδομαι, δὸς τὸ ἕτερον, ἢ

скажешь, что такое Бог. Отбрось свои течения, отделения, сечения и что еще представляешь о нетелесном естестве как о теле, и тогда, может быть, представишь нечто достойное Божия рождения. Как родился? — Опять с негодованием скажу тоже: Божие рождение да почтено будет молчанием! Для тебя важно узнать и то, что Сын родился. А как? Не согласимся, чтоб это разумели и Ангелы, не только ты. Хочешь ли, объясню тебе, как родился? — Как ведают это родивший Отец и рожденный Сын. А что кроме сего, закрыто облаком и недоступно твоей близорукости.

«Существовавшего ли Сына родил Отец, или не существовавшего?» — Какое пустословие! Такой вопрос идет ко мне и к тебе, которые, хотя были чем-то, как Левий в чреслах Авраамовых (Евр. 7, 10), однако ж родились; а потому составились некоторым образом из сущего и не сущего. Противное этому должно сказать о первобытном веществе, которое, явным образом сотворено из не сущего, хотя некоторые и представляют его не начавшим бытия. Но здесь рождение сливается с бытием, и оно исперва (1 Ин. 1, 1), А потому, где найдет себе место твой отовсюду обрывистый вопрос? Есть ли что старее сего исперва, чтоб нам в этом старейшем положить бытие или небытие Сына? Ибо в обоих случаях уничтожится у нас исперва, если только, когда спросим и об Отце: из сущих Он, или из не сущих? — и тебе не угрожает опасность согласиться, что или два Отца, один предсуществовавший, и другой существующий, или Отец терпит одно с Сыном, то есть Сам из не сущих, вследствие твоих ребяческих вопросов и этих построек из песку, которым не устоять и при слабом ветре. А я не принимаю ни того, ни другого, и говорю, что нелеп вопрос, а не ответ труден. Если же тебе, по правилам твоей диалектики, кажется необходимым, во всяком случае одно из двух признавать истинным; то дай место и моему не важному вопросу: в чем время, — во времени, или не во времени? Если во времени; то в каком? Что это за время сверх времени, и как содержит в себе время? А если не во времени; что за чрезмерная мудрость вводит невременное время? И в этом

ἀληθεύεσθαι μόνον, ἢ ψεύδεσθαι· οὐ γὰρ ἀμφότερα δώσομεν. ἀλλ' οὐκ ἐνδέχεται. ἢ γὰρ ψευδόμενος ἀληθεύσει, ἢ ἀληθεύων ψεύσεται· πᾶσα ἀνάγκη. Τί οὖν θαυμαστόν, ὥσπερ ἐνταῦθα συμβαίνει τὰ ἐναντία, οὕτως ἐκεῖσε ἀμφότερα ψεύδεσθαι, καὶ οὕτω σοι τὸ σοφὸν ἠλίθιον ἀναφανήσεται; ἐν ἔτι μοι λῦσον τῶν αἰνιγμάτων· σεαυτῶ δὲ γεννωμένῳ παρῆς; πάρει δὲ νῦν; ἢ οὐδέτερον; εἰ μὲν γὰρ καὶ παρῆς, καὶ πάρει, ὡς τίς, καὶ τίνι; καὶ πῶς ὁ εἷς ἄμφω γεγόνατε; εἰ δὲ μηδέτερον τῶν εἰρημένων, πῶς σεαυτοῦ χωρίζη; καὶ τίς ἡ αἰτία τῆς διαζεύξεως; ἀλλ' ἀπαιδεύτον τὸ περὶ τοῦ ἐνός, εἰ ἑαυτῶ πάρεστιν, ἢ μή, πολυπραγμονεῖν. Ταῦτα γὰρ ἐπ' ἄλλων, οὐχ ἑαυτοῦ λέγεται. ἀπαιδευτότερον, εὖ ἴσθι, τὸ ἀπ' ἀρχῆς γεγεννημένον, εἰ ἦν πρὸ τῆς γεννήσεως, ἢ οὐκ ἦν, διευθύνεσθαι. Οὗτος γὰρ περὶ τῶν χρόνῳ διαιρετῶν ὁ λόγος.

10. Ἀλλ' οὐ ταῦτόν, φησι, τὸ ἀγέννητον καὶ τὸ γεννητόν. Εἰ δὲ τοῦτο, οὐδὲ ὁ υἱὸς τῷ πατρὶ ταῦτόν. ὅτι μὲν φανερώς ὁ λόγος οὗτος ἐκβάλλει τὸν υἱὸν τῆς θεότητος, ἢ τὸν πατέρα, τί χρὴ λέγειν; εἰ γὰρ τὸ ἀγέννητον οὐσία θεοῦ, τὸ γεννητόν οὐκ οὐσία· εἰ δὲ τοῦτο, οὐκ ἐκεῖνο. Τίς ἀντερεῖ λόγος; ἐλοῦ τοίνυν τῶν ἀσεβειῶν ὁποτέραν βούλει, ᾧ κεινὲ θεολόγε, εἶπερ ἀσεβεῖν πάντως ἐσπούδακας. ἔπειτα πῶς οὐ ταῦτόν λέγεις τὸ ἀγέννητον καὶ τὸ γεννητόν; εἰ μὲν τὸ μὴ ἐκτισμένον καὶ ἐκτισμένον, καγὼ δέχομαι. Οὐ γὰρ ταῦτόν τῇ φύσει τὸ ἀναρχον καὶ τὸ κτιζόμενον. Εἰ δὲ τὸ γεγεννηκὸς καὶ τὸ γεγεννημένον οὐ ταῦτόν λέγεις, οὐκ ὀρθῶς λέγεται. Ταῦτόν γὰρ εἶναι πᾶσα ἀνάγκη. Αὕτη γὰρ φύσις γεννήματος, ταῦτόν εἶναι τῷ γεγεννηκῶτι κατὰ τὴν φύσιν. ἢ οὕτω πάλιν· πῶς λέγεις τὸ ἀγέννητον καὶ τὸ γεννητόν; εἰ μὲν γὰρ τὴν ἀγεννησίαν αὐτὴν καὶ τὴν γέννησιν, οὐ ταῦτόν· εἰ δὲ οἷς ὑπάρχει ταῦτα, πῶς οὐ ταῦτόν;

предложении: «я теперь лгу», уступи что-нибудь одно только, то есть признай его или истинным, или ложным (а того и другого вместе мы не уступим). Но это невозможно; ибо, по всей необходимости, или лгущий скажет правду, или говорящий правду солжет. Что ж удивительного, как здесь сходятся противоположности, так и там обоим положениям быть ложными? А таким образом и мудрое твое окажется глупым. Но реши мне еще один загадочный вопрос. Находился ли ты сам при себе, когда рождался, находишься ли при себе и теперь, или и тогда не находился и теперь не находишься? Но если находился и находишься; то кто находящийся и при ком находится? Как один стал тем и другим?.. А если не находился и не находишься; то как отделяешься от самого себя? И какая причина сего разлучения? Скажешь: глупо и допытываться об одном, находится ли он при себе, или нет; так можно говорить о других, а не о себе. Так знай же, что еще глупее доискиваться о Рожденном исперва, существовал ли Он, или не существовал до рождения. Ибо так можно говорить о вещах разделенных временем!

Но ты говоришь: «Нерожденное и рожденное не одно и то же. А если так; то и Сын не одно с Отцом». Нужно ли говорить, что по этому умствованиям явно отъемяется божество у Сына, или у Отца? Ибо если нерожденность есть сущность Божия, то рожденность уже не сущность; а если последняя есть сущность, то первая — не сущность. Кто оспорит это? Итак, новый богослов, выбирай, которое угодно из двух нечестивых положений, если у тебя неперемнная мысль нечестивать. Потом и я спрошу: в каком смысле взяв нерожденное и рожденное, называешь их нетождественными? Если в смысле несозданного и созданного; то и я согласен, ибо безначальное и созидаемое нетождественны по естеству. А если называешь нетождественными родившего и рожденного; то положение несправедливо, потому что они по всей необходимости тождественны. Самое естество родителя и его порождения требуют, чтобы порождение по естеству было тождественно с родившим. Или еще так: в каком смысле берешь нерожденное и рожденное? Если разумеешь

ἐπεὶ καὶ τὸ ἄσοφον καὶ τὸ σοφὸν ἀλλήλοις μὲν οὐ ταυτά, περὶ ταυτὸν δέ, τὸν ἄνθρωπον· καὶ οὐκ οὐσίας τέμνει, περὶ δὲ τὴν αὐτὴν οὐσίαν τέμνεται. ἢ καὶ τὸ ἀθάνατον, καὶ τὸ ἄκακον, καὶ τὸ ἀναλλοίωτον οὐσία θεοῦ. ἀλλ' εἰ τοῦτο, πολλὰ οὐσίαι θεοῦ, καὶ οὐ μία. ἢ σύνθετον ἐκ τούτων τὸ θεῖον. Οὐ γὰρ ἀσυνθέτως ταῦτα, εἴπερ οὐσίαι.

11. Ταῦτα μὲν οὐ φασι, κοινὰ γὰρ καὶ ἄλλων. ὁ δὲ μόνου θεοῦ καὶ ἴδιον, τοῦτο οὐσία. Οὐκ ἂν μὲν συγχωρήσαιεν εἶναι μόνου θεοῦ τὸ ἀγέννητον οἱ καὶ τὴν ὕλην καὶ τὴν ἰδέαν συνεισάγοντες ὡς ἀγέννητα. Τὸ γὰρ Μανιχαίων πορρωτέρω ῥίψωμεν σκότος. Πλὴν ἔστω μόνου θεοῦ. Τί δὲ ὁ Ἀδάμ; οὐ μόνος πλάσμα θεοῦ; καὶ πάνυ, φήσεις. ἄρ' οὖν καὶ μόνος ἄνθρωπος; οὐδαμῶς. Τί δὴ ποτε; ὅτι μὴ ἀνθρωπότης ἢ πλάσις· καὶ γὰρ τὸ γεννηθὲν ἄνθρωπος. Οὕτως οὐδὲ τὸ ἀγέννητον μόνον θεός, εἰ καὶ μόνου πατρός, ἀλλὰ δέξαι καὶ τὸ γεννητὸν εἶναι θεόν. ἐκ θεοῦ γὰρ, εἰ καὶ λίαν εἰ φιλαγέννητος. ἔπειτα πῶς οὐσίαν θεοῦ λέγεις, οὐ τὴν τοῦ ὄντος θέσιν, ἀλλὰ τὴν τοῦ μὴ ὄντος ἀναίρεσιν; τὸ γὰρ μὴ ὑπάρχειν αὐτῷ γέννησιν ὁ λόγος δηλοῖ, οὐχ ὁ τὴν φύσιν ἐστὶ παρίστησιν, οὐδ' ὁ ὑπάρχει τὸ μὴ ἔχον γέννησιν. Τίς οὖν οὐσία θεοῦ; τῆς σῆς ἀπονοίας τοῦτο λέγεις, ὅς πολυπραγμονεῖς καὶ τὴν γέννησιν. ἡμῖν δὲ μέγα, κὰν εἴποτε καὶ εἰς ὕστερον τοῦτο μάθοιμεν, λυθέντος ἡμῖν τοῦ ζόφου καὶ τῆς παχύτητος, ὡς ἢ τοῦ ἀψευδοῦς ὑπόσχεσις. Τοῦτο μὲν οὖν καὶ νοεῖσθω καὶ ἐλπίζεσθω τοῖς ἐπὶ τούτῳ καθαιρομένοις. ἡμεῖς δὲ τοσοῦτον εἰπεῖν θαρρήσωμεν, ὅτι εἰ καὶ μέγα τῷ πατρὶ τὸ μηδαμόθεν ὠρμηθῆναι, οὐκ ἔλαττον τῷ υἱῷ τὸ ἐκ τοιούτου πατρός. Τῆς τε γὰρ τοῦ ἀναιτίου δόξης μετέχοι ἄν, ὅτι ἐκ τοῦ ἀναιτίου, καὶ

самую нерожденность и рожденность; то они не тождественны. А если разумеешь тех, кому принадлежит нерожденность и рожденность; то почему же им не быть тождественными? Глупость и мудрость не тождественны между собою, однакоже бывают в одном человеке, и сущность ими не делится, но сами они делятся в той же сущности. Ужели и бессмертие, и непорочность, и неизменяемость составляют сущность Божию? Но если так; то в Боге сущностей много, а не одна, или Божество сложено из них; потому что не без сложения они в Боге, если только составляют сущности Его.

Но сего не называют сущностью Божиею; потому что оно бывает принадлежностью и других существ. Сущность же Божия есть то, что единому Богу принадлежит и Ему свойственно. Правда, что нерожденность приписывать Единому Богу не согласились бы те, которые вводят и нерожденное вещество и нерожденную идею (а Манихейская тьма да не приближается и к мысли нашей!); впрочем, пусть она будет принадлежностью одного Бога. Что же скажешь об Адаме? Не он ли один — Божие создание? — Без сомнения так. Но он ли один — человек? — Ни мало. Почему же? Потому что сотворение не единственный способ к производству человека; и рожденное есть также человек. Подобно этому не одно нерожденное есть Бог, хотя нерожденность и принадлежит единому Отцу. Напротив того, хотя ты и чрезмерный любитель нерожденности, допусти, что и Рожденное есть Бог; потому что и Оно от Бога. Сверх того, почему называешь сущностью Божией не положение существующего, но отрицание не существующего? Ибо слово: нерожденный, показывает только, что в Боге нет рождения, а не объясняет, что такое Он по естеству, не сказывает, что такое не имеющий рождения. Итак, что же есть сущность Божия? Твоему высокоумию отвечать на это; потому что ты любопытствуешь о рождении. А для нас велико, если узнаем это и впоследствии, когда, по обетованию *Неложнаго* (Тит. 1, 2), рассеется в нас мгла и дебелость. О сем да помышляют, сего да надеются очистившиеся до такой степени. Мы же осмелимся сказать

πρόσεστι τὸ τῆς γεννήσεως, πρᾶγμα τοσοῦτον καὶ οὕτω σεβάσμιον τοῖς μὴ πάντῃ χαμαιπετέσι καὶ ὑλικοῖς τὴν διάνοιαν.

12. Ἀλλ' εἰ ταῦτὸν τῷ πατρὶ, φασιν, ὁ υἱὸς κατ' οὐσίαν, ἀγέννητος δὲ ὁ πατήρ, ἔσται τοῦτο καὶ ὁ υἱός. Καλῶς, εἴπερ οὐσία θεοῦ τὸ ἀγέννητον, ἴν' ἢ τις καινὴ μίξις, γεννητοαγέννητον. Εἰ δὲ περὶ οὐσίαν ἢ διαφορὰ, τί τοῦτο ὡς ἰσχυρὸν λέγεις; ἢ καὶ σὺ πατήρ τοῦ πατρὸς, ἵνα μηδενὶ λείπη τοῦ σοῦ πατρὸς, ἐπειδὴ ταῦτὸν εἶ κατ' οὐσίαν; ἢ δῆλον ὅτι, τῆς ιδιότητος ἀκινήτου μενούσης, ζητήσομεν οὐσίαν θεοῦ, ἢ τις ποτέ ἐστιν, εἴπερ ζητήσομεν; ὅτι δὲ οὐ ταῦτὸν ἀγέννητον καὶ θεός, ὥδε ἂν μάθοις. Εἰ ταῦτὸν ἦν, ἔδει πάντως, ἐπειδὴ τινῶν θεός ὁ θεός, τινῶν εἶναι καὶ τὸ ἀγέννητον ἢ ἐπεὶ μηδενὸς τὸ ἀγέννητον, μηδὲ τὸν θεὸν εἶναι τινῶν. Τὰ γὰρ πάντῃ ταῦτὰ καὶ ὁμοίως ἐκφέρεται. ἀλλὰ μὴν οὐ τινῶν τὸ ἀγέννητον, τίνων γάρ; καὶ τινῶν θεός ὁ θεός, πάντων γάρ. Πῶς οὖν ἂν εἴη ταῦτὸν θεός καὶ ἀγέννητον; καὶ πάλιν, ἐπειδὴ τὸ ἀγέννητον καὶ τὸ γεννητὸν ἀντίκειται ἀλλήλοις, ὡς ἕξις καὶ στέρησις, ἀνάγκη καὶ οὐσίας εἰσαχθῆναι ἀντικειμένας ἀλλήλαις. ὅπερ οὐ δέδοται ἢ ἐπειδὴ πάλιν αἱ ἕξεις τῶν στερήσεων πρότεροι, καὶ ἀναιρετικαὶ τῶν ἕξεων αἱ στερήσεις, μὴ μόνον πρεσβυτέραν εἶναι τῆς τοῦ πατρὸς οὐσίας τὴν τοῦ υἱοῦ, ἀλλὰ καὶ ἀναιρουμένην ὑπὸ τοῦ πατρὸς, ὅσον ἐπὶ ταῖς σαῖς ὑποθέσεσι.

13. Τίς ἔτι λόγος αὐτοῖς τῶν ἀφύκτων; τάχα ἂν

одно: если велико для Отца — ни от кого не происходить, то для Сына немаловажнее — происходить от такого Отца; потому что, как происшедший от Безвиновного, участвует Он в славе Безвиновного, но к сему присовокупляется и рождение, которое само по себе велико и досточтимо для умов не вовсе пресмыкающихся по земле и оземленевших.

Но говорят: «Если Сын тождествен с Отцом по сущности, а Отец нерожден; то и Сын будет нерожден». — Это справедливо, если нерожденность есть сущность Божия. Тогда Сын будет новое смешение — рожденно-нерожденное. Но если это различие не в самой сущности; то почему ты умозаключение свое выдаешь за твердое? Неужели и ты отец своему отцу, чтоб тебе, будучи тождественным с ним по сущности, ни в чем не отставать от своего отца? Не очевидно ли лучше искать нам, что такое сущность Божия (если только найдем), оставляя непреходящими личные свойства? Еще и так можешь удостовериться, что нерожденность и Бог нетождественны. Если бы они были тождественны; то следовало бы, поскольку Бог есть Бог некоторых, и нерожденности быть нерожденностью некоторых, или, поскольку нерожденность не есть нерожденность некоторых, и Богу не быть Богом некоторых; потому что о совершенно тождественном и говорится подобно. Но нерожденность не есть нерожденность некоторых. Ибо чья она? А Бог есть Бог некоторых; потому что Он Бог всех. Следственно, как же Богу и нерожденности быть тождественными? И еще: поскольку нерожденность и рожденность противоположны между собою, как обладание и лишение; то необходимо будет ввести и противоположные между собой сущности; а этого никто не допускает. Или еще: поскольку обладание первоначальнее лишения, а лишением уничтожается обладание; то сущность Сына, вследствие твоих предположений, не только первоначальнее сущности Отца, но даже уничтожается ею.

Какой же есть еще у них неотразимый довод, к которому может быть прибегнут они в

ἐπ' ἐκεῖνο καταφύγοιεν τελευταῖον· ὡς εἰ μὲν οὐ πέπαυται τοῦ γεννᾶν ὁ θεός, ἀτελής ἡ γέννησις, καὶ ποτε παύσεται· εἰ πέπαυται δέ, πάντως καὶ ἤρξατο. Πάλιν οἱ σωματικοὶ τὰ σωματικά. ἐγὼ δὲ εἰ μὲν αἰδῖον αὐτῶ τὸ γεννᾶσθαι, ἢ μὴ, οὐπω λέγω, ἕως ἂν τὸ Πρὸ πάντων βουνῶν γεννᾶ με ἀκριβῶς ἐπισκέψωμαι. Οὐχ ὁρῶ δὲ τίς ἡ ἀνάγκη τοῦ λόγου. Εἰ γὰρ ἤρκεται κατ' αὐτοὺς τὸ παυσόμενον, οὐκ ἤρκεται πάντως τὸ μὴ παυσόμενον. Τί τοίνυν ἀποφανοῦνται περὶ ψυχῆς, ἢ τῆς ἀγγελικῆς φύσεως; εἰ μὲν ἤρκεται, καὶ παύσεται· εἰ δὲ οὐ παύσεται, δῆλον ὅτι κατ' αὐτοὺς οὐδὲ ἤρκεται. ἀλλὰ μὴν καὶ ἤρκεται, καὶ οὐ παύσεται. Οὐκ ἄρα ἤρκεται κατ' αὐτοὺς τὸ παυσόμενον. ὁ μὲν οὖν ἡμέτερος λόγος· ὥσπερ ἵππου, καὶ βοός, καὶ ἀνθρώπου, καὶ ἐκάστου τῶν ὑπὸ τὸ αὐτὸ εἶδος, εἰς λόγος ἐστί, καὶ ὁ μὲν ἂν μετέχη τοῦ λόγου, τοῦτο καὶ κυρίως λέγεσθαι, ὁ δ' ἂν μὴ μετέχη, τοῦτο ἢ μὴ λέγεσθαι, ἢ μὴ κυρίως λέγεσθαι. Οὕτω δὲ καὶ θεοῦ μίαν οὐσίαν εἶναι, καὶ φύσιν. Καὶ κλησιν, καὶ ἐπινοίαις τισὶ διαιρουμέναις συνδιαιρῆται καὶ τὰ ὀνόματα· καὶ ὁ μὲν ἂν κυρίως λέγηται, τοῦτο καὶ εἶναι θεόν· ὁ δ' ἂν ἢ κατὰ φύσιν, τοῦτο καὶ ἀληθῶς ὀνομάζεσθαι· εἴπερ μὴ ἐν ὀνόμασιν, ἀλλ' ἐν πράγμασιν ἐστὶν ἡμῖν ἡ ἀλήθεια. Οἱ δέ, ὥσπερ δεδοικότες μὴ πάντα κινεῖν κατὰ τῆς ἀληθείας, θεὸν μὲν εἶναι τὸν υἱὸν ὁμολογοῦσιν, ὅταν βιασθῶσι τῷ λόγῳ καὶ ταῖς μαρτυρίαις, ὁμώνυμον δὲ καὶ μόνης κοινωοῦντα τῆς κλήσεως.

14. Ὅταν δὲ ἀνθυποφέρωμεν αὐτοῖς· τί οὖν; οὐ κυρίως θεὸς ὁ υἱός, ὥσπερ οὐδὲ ζῶον τὸ γεγραμμένον; πῶς οὖν θεός, εἰ μὴ κυρίως θεός; τί γὰρ κωλύει, φασί, καὶ ὁμώνυμα ταῦτα εἶναι, καὶ κυρίως ἀμφότερα λέγεσθαι; καὶ προσοίσουσιν ἡμῖν τὸν κύνα, τὸν χερσαῖον, καὶ τὸν θαλάττιον, ὁμώνυμά τε ὄντα, καὶ κυρίως λεγόμενα, ἔστι γὰρ τι καὶ τοιοῦτον εἶδος ἐν τοῖς

заклучение всего? «Если Бог не перестал рождать, то рождение несовершенно. И когда Он перестанет? А если перестал; то, без сомнения, и начал». — Опять плотские говорят плотское. А я, как не говорю — вечно или не вечно рождается Сын, пока не вникну тщательнее в сказанное: прежде всех холмов раждает Мя (Прит. 8, 25); так не вижу необходимого следствия в доказательстве. Ибо если имеющее прекратиться, по словам их, началось; то не имеющее прекратиться, без сомнения, не начиналось. А потому, что скажут о душе или об Ангельской природе? Если они начались; то и прекратятся. А если не прекратятся; то, как видно из их положения, и не начинались. Но они и начались и не прекратятся. Следственно несправедливо их положение, что имеющее прекратиться началось. Наше учение таково: как для коня, вола, человека и для каждой вещи одного рода одно есть понятие, и что подходит под это понятие, о том оно скажется в собственном смысле, а что не подходит, о том или не скажется, или скажется несобственно; так одна есть Божия сущность, одно Божие естество, одно Божие именование (хотя имена и различаются вследствие различных некоторых умпредставлений), и что в собственном смысле именуется Богом, то действительно есть Бог; а равно, что по естеству есть Бог, то истинно именуется Богом; если только истина состоит у нас не в именах, а в вещах. Но они, как бы опасаясь, чтоб не все уже подвигнуть против истины, когда бывают к тому принуждены разумом и свидетельствами, исповедуют Сына Богом, но Богом по соименности, то есть по участию в одном наименовании.

Когда же возражаем им: а что, неужели Сын не в собственном смысле Бог, подобно тому, как животное на картине не собственно животное? И как Он Бог, если не в собственном смысле Бог? — тогда они отвечают: что же препятствует, чтоб одни и те же были и соименны, и именовались каждый в собственном смысле? При этом представляют в пример пса живущего на суше и пса морского, которые соименны, и именуется каждый псом в собственном

ὁμωνύμοις, καὶ εἴτε τι ἄλλο τῇ αὐτῇ προσχρῆται
 προσηγορία, καὶ μετέχει ταύτης ἐπ' ἴσης, τῇ
 φύσει διεστηκός. ἀλλ' ἐκεῖ μὲν, ὧ βέλτιστε, δύο
 φύσεις τιθεῖς ὑπὸ τὴν αὐτὴν προσηγορίαν,
 οὐδὲν ἀμείνω τὴν ἑτέραν τῆς ἑτέρας εἰσάγεις,
 οὐδὲ τὴν μὲν πρότερον, τὴν δὲ ὕστερον, οὐδὲ
 τὴν μὲν μᾶλλον, τὴν δὲ ἥττον οὖσαν τοῦθ' ὅπερ
 λέγεται. Οὐδὲ γὰρ τι συνέζευκται τὸ ταύτην
 παρέχον αὐταῖς τὴν ἀνάγκην. Οὐ γὰρ ὁ μὲν
 μᾶλλον κύων, ὁ δὲ ἥττον τοῦ ἑτέρου κυνός, οἶον
 ὁ θαλάττιος τοῦ χερσαίου, ἢ ὁ χερσαῖος
 ἔμπαλιν τοῦ θαλαττίου· διὰ τί γὰρ, ἢ κατὰ τίνα
 λόγον; ἀλλ' ἐν ὁμοτίμοις πράγμασι καὶ
 διαφόροις ἢ κοινωνία τῆς κλήσεως. ἐνταῦθα δὲ
 τῷ θεῷ παραζευγνύς τὸ σεβάσμιον, καὶ τὸ ὑπὲρ
 πᾶσαν οὐσίαν εἶναι καὶ φύσιν. ὁ μόνου θεοῦ καὶ
 οἰονεὶ φύσις θεότητος, εἶτα τῷ πατρὶ μὲν τοῦτο
 διδούς, τὸν υἱὸν δὲ ἀποστερῶν καὶ ὑποτιθεῖς,
 καὶ τὰ δεύτερα νέμων αὐτῷ τῆς τιμῆς καὶ τῆς
 προσκυνήσεως, καὶ ταῖς συλλαβαῖς χαρίζῃ τὸ
 ὅμοιον, τῷ πράγματι τὴν θεότητα περικόπτεις,
 καὶ μεταβαίνεις κακούργως ἀπὸ τῆς τὸ ἴσον
 ἐχούσης ὁμωνυμίας ἐπὶ τὴν τὰ μὴ ἴσα
 συνδέουσαν· ὥστε ὁ γραπτὸς σοι καὶ ὁ ζῶν
 ἄνθρωπος μᾶλλον ἢ οἱ τοῦ ὑποδείγματος κύνες
 τῇ θεότητι πλησιάζουσιν. ἢ δὸς ἀμφοτέροις,
 ὥπερ τὴν κοινωνίαν τῆς κλήσεως, οὕτω δὲ καὶ
 τὴν ὁμοτιμίαν τῶν φύσεων, εἰ καὶ διαφόρους
 ταύτας εἰσάγεις· καὶ καταλέλυκός σου τοὺς
 κύνας, οὓς ἐξηῦρες κατὰ τῆς ἀνισότητος. Τί γὰρ
 ὄφελος τῆς ὁμωνυμίας, εἰ τὸ ἰσότημον μὴ ἔχοιεν
 οἱ παρὰ σου διαιρούμενοι; οὐ γὰρ ἵνα ἰσότημα
 δείξης, ἀλλ' ἵνα ἀνισότημα, πρὸς τὴν
 ὁμωνυμίαν καὶ τοὺς κύνας κατέφυγες. Πῶς ἄν
 τις ἐλεγχθεῖ μᾶλλον καὶ ἑαυτῷ μαχόμενος καὶ
 θεότητι;

15. Ἐὰν δὲ λεγόντων ἡμῶν, ὅτι τῷ αἰτίῳ μείζων ὁ
 πατήρ τοῦ υἱοῦ, προσλαβόντες τὴν τὸ δὲ αἴτιον
 φύσει πρότασιν, ἔπειτα τὸ μείζων τῇ φύσει
 συνάγωγσιν· οὐκ οἶδα πότερον ἑαυτοὺς

смысле. Правда, что между соименными
 составляет некоторый *род* как подобное
 этому, так и иное что-нибудь, если оно, хотя
 и различно по естеству, впрочем носит то же
 имя, и равно в нем участвует. Но там,
 подводя под одно наименование два
 естества, не утверждаешь ты, наилучший,
 чтоб одно было лучше другого, чтоб одно
 предшествовало, а другое в меньшей мере
 было тем, чем оно называется. С ними не
 сопрягается ничего такого, что делало бы это
 необходимым. Первый пес не больше, а
 второй не меньше первого есть пес, то есть и
 морской пес — живущего на суше, и
 обратно, живущий на суше — морского (да и
 почему, или на каком основании было бы
 это?); напротив того общее наименование
 имеют предметы равночестные и различные.
 Но здесь, с понятием о Боге сопрягая
 досточтимость и превосходство над всякой
 сущностью и естеством (что принадлежит
 единому Богу, и составляет как бы естество
 Божества), а потом приписав это Отцу, и
 отняв у Сына (чрез что ставишь Его ниже, и
 уделяешь Ему второстепенное чествование и
 поклонение), хотя на словах придаешь Ему
 Богоподобие, на самом же деле отсекаешь у
 Него Божество, и от соименности,
 заключающей в себе равенство, с злым
 умыслом переходишь к соименности,
 которою связываются вещи неравные. А
 таким образом, по твоим умозаключениям,
 человек на картине и человек живой ближе
 изображают Божество, нежели
 представленные в примере псы. Или уступи
 Обоим как общение в наименовании, так и
 равночестность естеств, хотя и признаешь
 Их различными; тогда уничтожатся у тебя
 псы, которых придумал ты в объяснение
 неравенства. Да и что пользы в соименности,
 если разделяемые тобою не будут иметь
 равночестности? Ибо не в доказательство
 равночестности, но в доказательство
 неравночестности, прибег ты к соименности
 и к псам. Можно ли больше, сего изобличить
 в себе и противоречие с самим собою и
 противление Божеству?

Если же к сказанному нами: Отец больше
 Сына, как Виновник, присовокупив
 положение: но Виновник по естеству,
 выводят они заключение: Отец больше Сына
 по естеству; то не знаю, самих ли себя

παραλογίζονται, ἢ τοὺς πρὸς οὓς ὁ λόγος. Οὐ γὰρ ἀπλῶς ὅσα κατὰ τινος λέγεται, ταῦτα καὶ κατὰ τοῦ ὑποκειμένου τούτῳ ῥηθήσεται· ἀλλὰ δῆλον κατὰ τίνος, καὶ τίνα. Ἐπεὶ τί κωλύει καμὲ ταύτην πρότασιν ποιησάμενον τὴν, ὅτι ὁ πατὴρ μείζων τῆ φύσει, ἔπειτα προσλαβόντα τὸ Φύσει δὲ οὐ πάντως μείζων οὐδὲ πατὴρ, ἐντεῦθεν συναγαγεῖν τὸ Μείζων οὐ πάντως μείζων· ἢ, Ὁ πατὴρ οὐ πάντως πατὴρ. Εἰ βούλει δὲ οὕτως· ὁ θεός, οὐσία· ἢ οὐσία δέ, οὐ πάντως θεός· τὸ ἐξῆς αὐτὸς συνάγαγε· ὁ θεός, οὐ πάντως θεός. ἀλλ' οἶμαι, παρὰ τὸ πῆ καὶ ἀπλῶς ὁ παραλογισμὸς οὗτος, ὡς τοῖς περὶ ταῦτα τεχνολογεῖν σύνηθες. ἡμῶν γὰρ τὸ μείζων τῆ τοῦ αἰτίου φύσει διδόντων, αὐτοὶ τὸ τῆ φύσει μείζων ἐπάγουσιν· ὡσπερ ἂν εἰ καὶ λεγόντων ἡμῶν, ὅτι ὁ δεῖνα νεκρὸς ἄνθρωπος, ἀπλῶς ἐπῆγον αὐτοὶ τὸν ἄνθρωπον.

16. Ἐκεῖνο δὲ πῶς παραδράμωμεν, οὐδενὸς ἦττον τῶν εἰρημένων ὃν ἀξιάγαστον; Ὁ πατὴρ, φησιν, οὐσίας, ἢ ἐνεργείας ὄνομα; ὡς ἀμφοτέρωθεν ἡμᾶς δῆσοντες, εἰ μὲν οὐσίας φήσομεν, συνθησομένους ἕτεροοῦσιον εἶναι τὸν υἱόν, ἐπειδὴ μία μὲν οὐσία θεοῦ, ταύτην δέ, ὡς οὗτοι, προκατείληφεν ὁ πατὴρ· εἰ δὲ ἐνεργείας, ποίημα σαφῶς ὁμολογήσοντα, ἀλλ' οὐ γέννημα. Οὐ γὰρ ὁ ἐνεργῶν, ἐκεῖ πάντως καὶ τὸ ἐνεργούμενον. Καὶ πῶς τῷ πεποιηκότι ταῦτὸν τὸ πεποιημένον, θαυμάζειν φήσουσι. Σφόδρα ἂν ἠδέσθην ὑμῶν καὶ αὐτὸς τὴν διαίρεσιν, εἰ τῶν δύο τὸ ἕτερον δέξασθαι ἦν ἀναγκαῖον, ἀλλὰ μὴ τὰ δύο διαφυγόντα τρίτον εἰπεῖν ἀληθέστερον· ὅτι οὔτε οὐσίας ὄνομα ὁ πατὴρ, ὦ σοφώτατοι, οὔτε ἐνεργείας, σχέσεως δὲ καὶ τοῦ πῶς ἔχει πρὸς τὸν υἱὸν ὁ πατὴρ, ἢ ὁ υἱὸς πρὸς τὸν πατέρα. ὡς γὰρ παρ' ἡμῖν αἱ κλήσεις αὗται τὸ γνήσιον καὶ οἰκεῖον γνωρίζουσιν, οὕτω κακεῖ τὴν τοῦ γεγεννημένου πρὸς τὸ γεγεννηκὸς ὁμοφυῖαν σημαίνουσιν. ἔστω δέ, ὑμῶν χάριν, καὶ οὐσίας τις ὁ πατὴρ· συνεισάξει τὸν υἱόν, οὐκ

больше обманывают они, или тех, к кому обращают слово. Ибо не безусловно все то, что скажется о чем-нибудь, должно быть сказуемым и подлежащего ему; но следует различать о чем говорится, и что. Иначе что препятствует и мне, сделав такое положение: Отец больше по естеству, и потом присовокупив: а что по естеству, то не всегда больше, и не всегда отец, вывести из этого заключение: большее не всегда больше, или: отец не всегда отец. А если угодно, буду рассуждать так: Бог есть сущность; но сущность не всегда Бог; отсюда сам выведи заключение: Бог не всегда Бог. Но думаю, что это — ложное умозаключение, на учебном языке обыкновенно называемое, от относительного к безусловному. Ибо когда даем им понятие о большинстве виновника по естеству, они вводят понятие о большинстве по естеству. Здесь тоже, как если бы мы сказали: известный человек мертв, а они сделали бы наведение просто: человек мертв.

Но как умолчать нам о том, что не меньше предыдущего стоит быть упомянутым? Они говорят: Отец есть имя Божие по сущности или по действию; и в обоих случаях хотят завязать нас. Если скажем, что имя Божие по сущности; то с ним вместе допустим иносущие Сына; потому что сущность Божия одна, и ее, как говорят они, предвосхитил уже Отец. А если — имя по действию; то очевидно признаем Сына творением, а не рождением. Ибо где действующий, там непременно и произведение. И может ли сотворенное быть тождественно с Сотворившим? — скажут они с удивлением. — Весьма бы уважил и я сам ваше разделение, если бы необходимо было принять одно из двух. Но справедливее будет, избежав того и другого, сделать третье положение, а именно сказать вам, премудрые, что Отец есть имя Божие, не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеют Отец к Сыну, или Сын к Отцу. Ибо эти наименования, как у нас показывают близость и сродство, так и там означают соестественность Родившего с Рожденным. Но пусть будет слово: Отец, в удобность вашу, означать и некоторую сущность; тогда, по общим понятиям и по силе этих наименований, Он введет с Собой

ἀλλοτριώσει, κατὰ τὰς κοινὰς ἐννοίας καὶ τὴν τῶν κλήσεων τούτων δύναμιν. ἔστω καὶ ἐνεργείας, εἰ τοῦτο δοκεῖ· οὐδὲ οὕτως ἡμᾶς αἰρήσετε. Αὐτὸ δὲ τοῦτο ἐνηργηκῶς ἂν εἶη τὸ ὁμοούσιον, εἰ καὶ ἄτοπος ἄλλως ἢ τῆς περὶ τοῦτο ἐνεργείας ὑπόληψις. ὁρᾶς ὅπως ὑμῶν, καὶ κακομαχεῖν ἐθελόντων, τὰς στροφὰς διαφεύγομεν; ἐπεὶ δέ σου τὸ ἐν τοῖς λογισμοῖς καὶ ταῖς στροφαῖς ἄμαχον ἔγνωμεν, ἴδωμέν σου καὶ τὴν ἐκ τῶν θείων λογίων ἰσχύν, ἂν ἄρα δέξῃ κἀντεῦθεν πείθειν ἡμᾶς.

17. Ἡμεῖς μὲν γὰρ ἐκ μεγάλων καὶ ὑψηλῶν τῶν φωνῶν τοῦ υἱοῦ τὴν θεότητα καὶ κατελήφαμεν, καὶ κηρύσσομεν. Τίνων τούτων; τῆς θεός, τῆς λόγος, ὁ ἐν ἀρχῇ, ὁ μετὰ τῆς ἀρχῆς, ἡ ἀρχή· Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος· καὶ, Μετὰ σου ἡ ἀρχή· καί, Ὁ καλῶν αὐτὴν ἀπὸ γενεῶν ἀρχήν. ἐπειδὴ υἱὸς μονογενῆς· Ὁ μονογενῆς υἱός, ὁ ὢν εἰς τὸν κόλπον τοῦ πατρὸς, ἐκεῖνος ἐξηγήσατο. ὁδός, ἀλήθεια, ζωή, φῶς· Ἐγὼ εἰμι ἡ ὁδός, καὶ ἡ ἀλήθεια, καὶ ἡ ζωή· καί, Ἐγὼ εἰμι τὸ φῶς τοῦ κόσμου. Σοφία, δύναμις· Χριστὸς θεοῦ δύναμις, καὶ θεοῦ σοφία. ἀπαύγασμα, χαρακτήρ, εἰκῶν, σφραγίς· Ὅς ὢν ἀπαύγασμα τῆς δόξης καὶ χαρακτήρ τῆς ὑποστάσεως αὐτοῦ· καί, Εἰκῶν τῆς ἀγαθότητος· καί, Τοῦτον γὰρ ὁ πατήρ ἐσφράγισεν ὁ θεός. Κύριος, βασιλεύς, ὁ ὢν, ὁ παντοκράτωρ· Ἐβρεξε κύριος πῦρ παρὰ κυρίου· καί, Ράβδος εὐθύτητος ἡ ῥάβδος τῆς βασιλείας σου· καί, Ὁ ὢν, καὶ ὁ ἦν, καὶ ὁ ἐρχόμενος, καὶ ὁ παντοκράτωρ. Σαφῶς περὶ τοῦ υἱοῦ λεγόμενα, καὶ ὅσα τῆς αὐτῆς τούτοις ἐστὶ δυνάμεως, ὧν οὐδὲν ἐπίκτητον, οὐδὲ ὕστερον τῷ υἱῷ προσγενόμενον, ἢ τῷ πνεύματι, ὡσπερ οὐδὲ αὐτῷ τῷ πατρί. Οὐ γὰρ ἐκ προσθήκης τὸ τέλειον. Οὐ γὰρ ἦν ὅτε ἄλογος ἦν, οὐδὲ ἦν ὅτε οὐ πατήρ, οὐδὲ ἦν ὅτε οὐκ ἀληθής, ἢ ἄσοφος, ἢ ἀδύνατος, ἢ ζωῆς ἐνδεής, ἢ λαμπρότητος, ἢ ἀγαθότητος.

и Сына, а не отчуждит Его. А если угодно, пусть будет именем по действию; и в этом случае не переспорите нас. Мы утверждаем, что это самое, то есть единосущие, и было действием Отца; или иначе понятие о таком действии заключало бы в себе нелепость. Видишь ли, что мы избегаем ваших ухищрений, как ни хотелось вам одолеть нас? Но поскольку мы узнали уже, сколько непреборимы твои умозаключения и ухищренные доводы, то посмотрим, какова крепость твоих доказательств из слова Божия, если станешь убеждать нас и ими.

Ибо мы и познали и проповедуем Божество Сына, руководствуясь великими и высокими речениями. Какими же? Следующими: Бог, Слово, в начале, с началом начало (В начале бе Слово, и слово бе к Богу, и Бог бе Слово, Ин. 1, 1; и: с Тобою начало, Пс. 103, 4; и еще: призывай ю от родов начало Ис. 41, 4). А также наименования: Сын едиnorodный (Едиnorodный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда, Ин. 1, 18). Путь, Истина, Жизнь, Свет (Аз есмь путь, истина и живот, Ин. 14, 6; и еще: Аз есмь свет миру, Ин. 8, 12), Премудрость, Сила (Христос Божия сила и Божия премудрость, 1 Кор. 1, 24), Сияние, Образ (χαρακτήρ, εἰκῶν). Печать (Иже сый сияние славы и образ (χαρακτήρ) ипостаси Его, Евр. 1, 3 и еще: Образ (εἰκῶν) благостыни, Прем. 27, 6; и еще: сего бо Отец знамена Бог, Ин. 6, 27), Господь, Царь, Сый, Вседержитель (и Господь одожди огонь от Господа, Быт. 19, 24 и еще: жезл правости, жезл царствия Твоего, Пс. 44, 7; и еще: Сый, и иже бе, и грядый, Вседержитель, Апок. 1, 8) ясно приписываются Сыну, равно как и другие имеющие с сими одинаковую силу, и принадлежащие к числу тех, из которых ни одно не есть приобретенное и впоследствии усвоенное Сыну, или Духу, также как и самому Отцу; потому что Он совершен не чрез приращение, и не было, когда бы Он был без Слова, не было, когда бы Он был не Отец, не было, когда бы Он был не истинен, или не премудр, или не всемогущ, или лишен жизни, или светлости, или благости.

18. Σὺ δέ μοι καταρίθμει πρὸς ταῦτα τὰ τῆς ἀγνωμοσύνης ῥήματα, τὸ θεὸς μου καὶ θεὸς ὑμῶν, τὸ μείζων, τὸ ἔκτισε, τὸ ἐποίησε, τὸ ἠγίασεν. Εἰ βούλει δέ, καὶ τὸ δοῦλον, καὶ τὸ ὑπήκοον· τὸ δέδωκε, τὸ ἔμαθε, τὸ ἐντέταλται, τὸ ἀπέσταλται, τὸ μὴ δύνασθαι ἀφ' ἑαυτοῦ τι ποιεῖν, ἢ λέγειν, ἢ κρίνειν, ἢ δωρεῖσθαι, ἢ βούλεσθαι. ἔτι δὲ καὶ ταῦτα, τὴν ἄγνοιαν, τὴν ὑποταγήν, τὴν εὐχήν, τὴν ἐρώτησιν, τὴν προκοπήν, τὴν τελειώσιν. Πρόσθε, εἰ βούλει, καὶ ὅσα τούτων ταπεινότερα, τὸ ὑπνοῦν, τὸ πεινῆν, τὸ κοπιᾶν, τὸ δακρῦειν, τὸ ἀγωνιᾶν, τὸ ὑποδύεσθαι. Τάχα δ' ἂν ὀνειδίσαις καὶ τὸν σταυρόν, καὶ τὸν θάνατον. Τὴν γὰρ ἔγερσιν καὶ τὴν ἀνάληψιν παρήσειν μοι δοκεῖς, ἐπειδὴ τι καὶ πρὸς ἡμῶν ἐν τούτοις εὐρίσκεται. Πολλὰ δ' ἂν ἔτι πρὸς τούτοις σπερμολογήσαις, εἰ βούλοιο συντιθέναι τὸν ὁμώνυμόν σου θεὸν καὶ παρέγγραπτον, ἡμῖν δὲ ἀληθινὸν καὶ ὁμότιμον τῷ πατρὶ. Τούτων γὰρ ἕκαστον οὐ χαλεπὸν μὲν καὶ κατὰ μέρος ἐπεξιόντα ἐξηγεῖσθαί σοι πρὸς τὸ εὐσεβέστατον, καὶ ἀνακαθαίρειν τὸ ἐν τοῖς γράμμασι πρόσκομμα, εἴ γε προσπταίεις ὄντως, ἀλλὰ μὴ ἐκὼν κακουργεῖς. ἐνὶ δὲ κεφαλαίῳ, τὰ μὲν ὑψηλότερα πρόσαγε τῇ θεότητι καὶ τῇ κρείττονι φύσει παθῶν καὶ σώματος· τὰ δὲ ταπεινότερα τῷ συνθέτῳ, καὶ τῷ διὰ σέ κενωθέντι καὶ σαρκωθέντι, οὐδὲν δὲ χειρὸν εἰπεῖν, καὶ ἀνθρωπισθέντι, εἶτα καὶ ὑψωθέντι, ἵνα σὺ τὸ τῶν δογμάτων σου σαρκικὸν καὶ χαμαιπετέες καταλύσας μᾶθης ὑψηλότερος εἶναι, καὶ συνανιέναι θεότητι, καὶ μὴ τοῖς ὀρωμένοις ἐναπομένοις, ἀλλὰ συνεπαίρη τοῖς νοουμένοις, καὶ γινώσκης, τίς μὲν φύσεως λόγος, τίς δὲ λόγος οἰκονομίας.

Перечисли же и ты в противоположность этим речениям те, которые отыскивает твоя неблагодарность! Таковы суть: *Бог мой и Бог ваш* (Ин. 20, 17), *болии* (Ин. 14, 28), *созда* (Прит. 8, 22), *сотворил есть* (Деян. 2, 36), *святи* (Ин. 10, 36). А если угодно, и следующие: *раб* (Ис. 49, 3), *послушлив* (Фил. 3, 7), *даде* (Ин. 5, 22, 10, 29), *навыче* (Евр. 5, 8), *заповеда* (Ин. 14, 31), *посла* (Ин. 10, 36, 17, 3), *не может о себе что творити* (Ин. 5, 30), или говорить (Ин. 12, 49), или судить (Ин. 12, 47), или даровать (Мф. 20, 23), или хотеть (Мф. 26, 39). А еще и те, в которых приписывается Сыну неведение (Мк. 13, 32), покорность (1 Кор. 15, 28), молитва (Лк. 6, 12), вопрошение (Ин. 11, 34), преспяние (Лк. 2, 52), совершение (Евр. 5, 9). Присовокупи, если хочешь, и более этих унизительные речения. Например: спит (Мф. 8, 24), алчет (Мф. 4, 7), утруждается (Ин. 4, 6), плачет (Ин. 11, 35), находится в борении (Лк. 22, 44), укрывается (Ин. 8, 59). А может быть обратишь ты в укоризну даже смерть и крест. Ибо не коснешься, как думаю, воскресения и вознесения; потому что в них найдется нечто и в нашу пользу. Но и кроме сего можешь собрать многое, если захочешь ты себе составить соименного и сопричтенного Бога, когда у нас есть Бог, истинный и равночестный Отцу. Если и каждое из этих речений разбирать в отдельности; то не трудно будет объяснить тебе их в смысле благочестном, устранив все, что в Писаниях служит для тебя преткновением; если только действительно ты претрыкаешься, а не с намерением толкуешь криво. Вообще же речения более возвышенные относи к Божеству и к природе, которая выше страданий и тела, а речения более унизительные — к Тому, Кто Сложен, за тебя истощил Себя и воплотился, а не хуже сказать, и вочеловечился, потом же превознесен, чтоб ты, истребив в догматах своих все плотское и пресмыкающееся по земле, научился быть возвышеннее и восходить умом к Божеству, а не останавливаться на видимом, возносился к мысленному и знал, где речь о естестве Божиим, и где об Его домостроительстве.

19. Οὗτος γὰρ ὁ νῦν σοι καταφρονούμενος, ἦν ὅτε καὶ ὑπὲρ σέ ἦν· ὁ νῦν ἄνθρωπος καὶ ἀσύνθετος ἦν. ὁ μὲν ἦν, διέμεινεν· ὁ δὲ οὐκ ἦν, προσέλαβεν. ἐν ἀρχῇ ἦν ἀναιτίως· τίς γὰρ αἰτία θεοῦ; ἀλλὰ καὶ ὕστερον γέγονε δι' αἰτίαν ἢ δὲ ἦν τὸ σὲ σωθῆναι τὸν ὑβριστήν, ὃς διὰ τοῦτο περιφρονεῖς θεότητα, ὅτι τὴν σὴν παχύτητα κατεδέξατο διὰ μέσου νοὸς ὁμιλήσας σαρκί, καὶ γενόμενος ἄνθρωπος, ὁ κάτω θεός· ἐπειδὴ συνανεκράθη θεῶ, καὶ γέγονεν εἷς, τοῦ κρείττονος ἐκνικήσαντος, ἵνα γένωμαι τοσοῦτον θεός, ὅσον ἐκεῖνος ἄνθρωπος. ἐγεννήθη μὲν, ἀλλὰ καὶ ἐγεγέννητο· ἐκ γυναικὸς μὲν, ἀλλὰ καὶ παρθένου. Τοῦτο ἀνθρώπινον, ἐκεῖνο θεῖον. ἀπάτωρ ἐντεῦθεν, ἀλλὰ καὶ ἀμήτωρ ἐκεῖθεν. ὄλον τοῦτο θεότητος. ἐκυφορήθη μὲν, ἀλλ' ἐγνώσθη προφήτη καὶ αὐτῷ κυφορούμενῳ, καὶ προσκιρτῶντι τοῦ λόγου, δι' ὃν ἐγένετο. ἐσπαργανώθη μὲν, ἀλλ' ἀποσπαργανούται τὰ τῆς ταφῆς ἀνιστάμενος. ἐν φάτνῃ μὲν ἀνελκίθη, ἀλλ' ὑπ' ἀγγέλων ἐδοξάσθη, καὶ ὑπ' ἀστέρος ἐμηνύθη, καὶ ὑπὸ μάγων προσεκυνήθη. Πῶς σὺ προσπταίεις τῷ βλεπομένῳ, μὴ σκοπῶν τὸ νοούμενον; ἐφυγαδεύθη μὲν εἰς Αἴγυπτον, ἀλλὰ φυγαδεύει τὰ Αἰγυπτίων. Οὐκ εἶχεν εἶδος οὐδὲ κάλλος παρὰ Ἰουδαίοις, ἀλλὰ τῷ Δαβίδ ὠραῖος ἦν κάλλει παρὰ τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ ὄρους ἀστράπτει, καὶ ἡλίου φωτοειδέστερος γίνεται, τὸ μέλλον μυσταγωγῶν.

20. Ἐβαπτίσθη μὲν ὡς ἄνθρωπος, ἀλλ' ἀμαρτίας ἔλυσεν ὡς θεός· οὐ καθαρσίῳν αὐτὸς δεόμενος, ἀλλ' ἵνα ἀγιάσῃ τὰ ὕδατα. ἐπειράσθη ὡς ἄνθρωπος, ἀλλ' ἐνίκησεν ὡς θεός· ἀλλὰ θαρρεῖν διακελεύεται, ὡς κόσμον νενικηκώς. ἐπέινησεν, ἀλλ' ἔθρεψε χιλιάδας, ἀλλ' ἄρτος ἐστὶ ζωτικὸς καὶ οὐράνιος. ἐδίψησεν, ἀλλ' ἐβόησεν· Ἐάν τις διψᾷ, ἐρχέσθω πρὸς με, καὶ πινέτω· ἀλλὰ καὶ πηγάζειν ὑπέσχετο τοὺς

Ибо было, когда Сей, тобою ныне презираемый, был выше тебя. Ныне он человек, а был и несложен. Хотя пребыл и тем, чем был Он; однако же воспринял и то, чем не был. В начале был Он без причины; ибо что может быть причиною Бога? Но впоследствии начал бытие по причине, и причиною было — спасти тебя — ругателя, который презираешь Божество за то, что Оно приняло на Себя твою грубость, и посредством ума вступило в общение с плотию; и дольний человек стал Богом, после того как соединился с Богом и стал с Ним едино; потому что препобедило лучшее, дабы и мне быть богом, поскольку Он стал человеком. Он родился; но и прежде был рожден, — родился от жены, но и от Девы, — родился человечески, рожден Божески; здесь без отца, но и там без матери; а все это есть знак Божества. Он носим был во чреве, но узан Пророком, который сам был еще во чреве, и *взыгрался* пред Словом, для Которого получил бытие (Лк. 1, 44). Он повит был пеленами; но воскресши сложил с Себя гробные пелены. Положен был в яслях; но прославлен Ангелами, указан звездю, почтен поклонением от волхвов. Как же ты находишь преткновение в видимом, не обращая внимания на умосозерцание? Он спасался бегством во Египет, но и все Египетское обратил в бегство. Для иудеев *не имяше ни вида, ни доброты* (Ис. 53, 2); но для Давида *красен добротою паче сынов человеческих* (Пс. 44, 3), но на горе молниеносен и светозарнее солнца, чем и тайноводствует к будущему.

Он крещен как человек; но разрешил грехи как Бог; — крещен не потому, что Сам имел нужду в очищении; но чтоб освятить воды. Он был искушаем как человек; но победил как Бог, но повелевает *дерзать*, как *Победивший мир* (Ин. 16, 23). Алкал; но напитал тысячи, но Сам есть хлеб животный и небесный (Ин. 6, 33, 35). Жаждал; но и возгласил: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и да пьет*, но и обещал, что верующие источат воды живые (Ин. 7, 39). Утруждался; но Сам есть упокоение труждающихся и

πιστεύοντας. ἐκοπίασεν, ἀλλὰ τῶν κοπιῶντων καὶ πεφορτισμένων ἐστὶν ἀνάπαυσις. ἐβαρῆθη μὲν ὑπνω, ἀλλ' ἐπὶ πελάγους κουφίζεται, ἀλλ' ἐπιτιμᾷ πνεύμασιν, ἀλλὰ Πέτρον κουφίζει βαπτιζόμενον. Δίδωσι τέλος, ἀλλ' ἐξ ἰχθύος, ἀλλὰ βασιλεύει τῶν ἀπαιτούντων. Σαμαρείτης ἀκούει καὶ δαιμονῶν, πλὴν σώζει τὸν ἀπὸ Ἱερουσαλὴμ καταβαίνοντα καὶ λησταῖς περιπεσόντα, πλὴν ὑπὸ δαιμόνων ἐπιγινώσεται, καὶ ἀπελαύνει δαίμονας, καὶ λεγεῶνα πνευμάτων βυθίζει, καὶ ὡς ἀστραπὴν ὄρα πίπτοντα τὸν ἀρχηγὸν τῶν δαιμόνων. Λιθάζεται, ἀλλ' οὐχ ἀλίσκεται. Προσεύχεται, ἀλλ' ἐπακούει. Δακρῦει, ἀλλὰ παύει δάκρυον. ἐρωτᾷ ποῦ τέθειται Λάζαρος, ἄνθρωπος γὰρ ἦν· ἀλλ' ἐγείρει Λάζαρον, θεὸς γὰρ ἦν. Πωλεῖται, καὶ λίαν εὐώνως, τριάκοντα γὰρ ἀργυρίων, ἀλλ' ἐξαγοράζει κόσμον, καὶ μεγάλης τιμῆς, τοῦ ἰδίου γὰρ αἵματος. ὡς πρόβατον ἐπὶ σφαγὴν ἄγεται, ἀλλὰ ποιμαίνει τὸν Ἰσραὴλ, νῦν δὲ καὶ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην. ὡς ἀμνὸς ἄφωνος, ἀλλὰ λόγος ἐστὶ, φωνῆ βοῶντος ἐν τῇ ἐρήμῳ καταγγελλόμενος. Μεμαλάκισται, καὶ τετραυμάτισται, ἀλλὰ θεραπεύει πᾶσαν νόσον, καὶ πᾶσαν μαλακίαν. ἐπὶ τὸ ξύλον ἀνάγεται, προσπήγνυται, ἀλλὰ τῷ ξύλῳ τῆς ζωῆς ἀποκαθίστησιν, ἀλλὰ σώζει καὶ ληστὴν συσταυρούμενον, ἀλλὰ σκοτίζει πᾶν τὸ ὀρώμενον. ὄξος ποτίζεται, χολὴν βρωματίζεται· τίς; ὁ τὸ ὕδωρ εἰς οἶνον μεταβαλὼν, ὁ τῆς πικρᾶς γεύσεως καταλυτής, ὁ γλυκασμὸς καὶ ὄλος ἐπιθυμία. Παραδίδωσι τὴν ψυχὴν, ἀλλ' ἐξουσίαν ἔχει πάλιν λαβεῖν αὐτήν, ἀλλὰ καταπέτασμα ῥήγνυται, τὰ γὰρ ἄνω παραδείκνυται, ἀλλὰ πέτραι σχίζονται, ἀλλὰ νεκροὶ ἐγείρονται. ἀποθνήσκει, ζωοποιεῖ δέ, καὶ καταλύει τῷ θανάτῳ τὸν θάνατον. Θάπτεται, ἀλλ' ἀνίσταται. Εἰς ἄδου κάτεισιν, ἀλλ' ἀνάγει ψυχάς, ἀλλ' εἰς οὐρανούς ἄνεισιν, ἀλλ' ἤξει κρῖναι ζῶντας καὶ νεκρούς, καὶ τοὺς τοιούτους βασανίσαι λόγους. Εἰ ταῦτα ἐμποιεῖ σοι τῆς

обремененных (Мф. 11, 28). Его отягощали сон; но Он легок на море, но Он запрещает ветрам, но Он подымлет утопающего Петра. Дает дань; но из рыбы, но царствует над собирающими дани. Его называют Самарянином и имеющим беса; однако же, Он спасает *сходящего от Иерусалима и впадшего в разбойники* (Лк. 10, 30), однако же Он познается бесами, изгоняет бесов, посылает в бездну легион духов, и видит вождя бесовского *яко молнию спадша* (Лк. 10, 19). В Него мечут камнями; но не могут взять Его. Он молится; но и внемлет молитвам. Плачет; но и прекращает плач. Спрашивает, где положен Лазарь, потому что был человек; но и воскрешает Лазаря, потому что был Бог. Он продается, и за самую низкую цену — за тридцать сребреников; но искупает мир, и высокою ценою — собственною Своею кровию. *Яко овца на заклание ведесе* (Ис. 53, 7); но Он — Слово, возвещаемое *гласом вопиющего в пустыни* (Ис. 40, 3). Был *мучен и язвен* (Ис. 59, 5); но *исцеляет всяк недуг и всяку язю* (Мф. 4, 23). Возносится на древо и пригвождается; но восстанавливает нас древом жизни, но спасает распятого с Ним разбойника, но омрачает все видимое. Напоевается оцтом, вкушает желчь; но кто же Он? — Претворивший воду в вино, Истребитель горького вкушения, *сладость и весь желание* (Песн. 5, 16). Предаёт душу; но *область имать паки прияти ю* (Ин. 10, 18); но раздирается завеса, потому что горнее делается открытым; но распадаются камни, но восстают мертвые. Умирает; но животворит и разрушает смертью смерть. Погребается; но восстает. Нисходит в ад; но возводит из него души, но восходит в небеса; но приидет судить живых и мертвых, и подвергнуть истязанию подобные твоим слова. Если одни речения служат для тебя поводом к заблуждению; то другие да рассеют твое заблуждение!

πλάνης τὴν ἀφορμὴν, ἐκεῖνά σου λύει τὴν πλάνην.

21. Ταῦτα τοῖς αἰνιγματισταῖς παρ' ἡμῶν, οὐχ ἐκόντων μὲν· οὐ γὰρ ἡδὺ τοῖς πιστοῖς ἀδολεσχία καὶ λόγων ἀντίθεσις, ἀρκεῖ γὰρ καὶ εἰς ἀντικείμενος· πλὴν ἀναγκαίως διὰ τοὺς ἐμπύπτοντας, ἐπεὶ καὶ διὰ τὰς νόσους τὰ φάρμακα, ἵν' εἰδῶσι μὴ πάντα ὄντες σοφοὶ μηδὲ ἀήττητοι τὰ περιττὰ καὶ κενοῦντα τὸ εὐαγγέλιον. ὅταν γὰρ τὸ τοῦ λόγου δυνατὸν προβαλλόμεθα, τὸ πιστεύειν ἀφέντες, καὶ τὸ τοῦ πνεύματος ἀξιόπιστον ταῖς ζητήσεσι λύσωμεν, εἶτα ἡττηθῆ τοῦ μεγέθους τῶν πραγμάτων ὁ λόγος, ἡττηθήσεται δὲ πάντως, ἀπὸ ἀσθενοῦς ὀργάνου τῆς ἡμετέρας διανοίας ὀρμώμενος, τί γίνεται; τὸ ἀσθενὲς τοῦ λόγου τοῦ μυστηρίου φαίνεται· καὶ οὕτω κένωσις τοῦ σταυροῦ τὸ τοῦ λόγου κομψὸν ἀναδείκνυται, ὡς καὶ Παύλῳ δοκεῖ. ἢ γὰρ πίστις τοῦ καθ' ἡμᾶς λόγου πλήρωσις. ὁ δὲ ἀναγγέλλων συνδέσμους, καὶ λύων κρατούμενα, ὁ καὶ ἡμῖν ἐπὶ νοῦν ἀγαγὼν διαλύσαι στραγγαλιὰς βιαίων δογμάτων, μάλιστα μὲν καὶ τούτους μεταβαλὼν ποιήσειεν πιστοὺς ἀντὶ τεχνολόγων, καὶ Χριστιανοὺς ἀνθ' ὧν νῦν ὀνομάζονται. Τοῦτο δὴ καὶ παρακαλοῦμεν· δεόμεθα ὑπὲρ Χριστοῦ· καταλλάγητε τῷ θεῷ, καὶ τὸ πνεῦμα μὴ σβέννυτε· μᾶλλον δέ, καταλλαγείῃ Χριστὸς ὑμῖν, καὶ τὸ πνεῦμα ὀψέ γοῦν ἀναλάμψειεν. Εἰ δὲ λίαν ἔχοιτε φιλονείκως, ἀλλ' ἡμεῖς γε σώζοιμεν ἡμῖν αὐτοῖς τὴν τριάδα, καὶ ὑπὸ τῆς τριάδος σωζοίμεθα, μένοντες εἰλικρινεῖς καὶ ἀπρόσκοποι, μέχρις ἀναδείξεως τελεωτέρας τῶν ποθουμένων, ἐν αὐτῷ Χριστῷ τῷ κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας· Ἀμήν.

Такой даем ответ говорящим загадочно — даем не охотно (потому что для верных неприятно пустословить и препираться словами — для них довольно и одного противника (1 Тим. 5, 14)), однако же даем по необходимости, для нападающих (потому что и лекарства существуют для болезней), чтоб узнали они, что не во всем они мудры и не неодолимы в своих излишних и упраздняющих Евангелие мудрованиях. Ибо когда, оставив веру, предпочитаем ей силу слова, и несомненность Духа уничтожим своими вопросами, а потом слово наше препобеждено будет величием предметов (это же необходимо последует, когда словом движет немощное орудие — наша мысль); тогда что бывает? — Немощь слова представляется нам недостаточностью самого таинства; и таким образом лепота слова обращается в уничтожение Креста, как рассуждает об этом Павел (1 Кор. 1, 17). Ибо восполнение нашего учения есть вера. Но Ты, возвещая соуды и разрешая сокровенная (Дан. 5, 12), наводящий и нас на разум, как сводит наросты насильственно вторгающихся учений, изменив сих наипаче, соделай из хитрословов верными и из именуемых ныне — Христианами! К сему и убеждаем вас, о сем и молим по Христе; примиритесь с Богом (2 Кор. 5, 20), и Духа не угашайте (1 Сол. 5, 19); лучше же сказать, да примирится с вами Христос, и хотя поздно, да воссияет вам Дух! Если же вы чрез меру упорны; то по крайней мере для себя самих спасаем мы Троицу и спасаемся Троицею, пребывая чисти и непреткновенни (Филип. 1, 10) до совершенного явления того, что для нас вожделенно, о самом Христе Господе нашем. Которому слава во веки веков. Аминь.